[НЕ КОПИРОВАТЬ]
№ 21/22. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА. № 21/22.

ДЕКАБРИСТЫ.

Д. Соловьева.

Москва.
Книгоиздательство „Д Ѣ Л О“.
1912.

Ф104428-35

Тип. Т-го Д-ва. „М. В. Балдинъ и Ко“. Москва, Арбатъ, д. 7.

I.

Послѣ внезапной кончины Павла I послѣдовало восшествіе на престолъ императора Александра I, обаятельная личность котораго пользовалась въ то время огромною популярностью въ Петербургѣ. Послѣ мрачной эпохи царствованія Павла, столичное населеніе почувствовало внезапное наступленіе политической весны. Быстро разнесшаяся по городу вѣсть о скоропостижной смерти Павла и воцареніи юнаго красавца Александра I подѣйствовало на петербургскихъ обывателей, какъ внезапное опьяненіе шампанскимъ. Весь городъ высыпалъ на улицу; знакомые и незнакомые поздравляли другъ друга съ радостнымъ событіемъ и цѣловались, какъ въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, о чемъ свидѣтельствуетъ интересная картина «12 марта 1812 года въ Петербургѣ» съ цѣлующимися на улицахъ горожанами, напечатанная въ юбилейномъ изданіи сочиненія «Отечественная война» Дживилегова и Мельгунова.

Краткая характеристика личности Александра I, на основаніи лучшихъ историческихъ источниковъ (Шильдеръ, Ключевскій, Пыпинъ, Корниловъ), многое уяснитъ читателю въ пониманіи событій описываемой эпохи. Очень инте-

ресны въ томъ отношеніи письма Екатерины II. а также дневники его воспитателей, Массона и Протасова. Обожавшая своего внука Екатерина подмѣтила въ немъ интересную черту. «Дамъ ему мячъ—онъ предается всецѣло этой игрѣ; вдругъ отниму мячъ и дамъ книгу—онъ весь въ чтеніи». Это мягкій воскъ, изъ котораго можно вылѣпить что угодно. Такое полное отсутствіе капризовъ и личныхъ вкусовъ очень удобно для воспитателей, но свидѣтельствуетъ о пассивности натуры и отсутствіи самостоятельности и твердости воли. Въ замѣткахъ и дневникахъ воспитателей Александра I послѣдній рисуется живымъ и ласковымъ ребенкомъ, котораго все привлекаетъ, но ничего особенно не интересуетъ. Таковъ былъ душевный фундаментъ, съ которымъ пришлось имѣть дѣло главному воспитателю Александра, благородному швейцарцу Лагарпу. На эту тему написана, между прочимъ, одна изъ басенъ Крылова «Воспитаніе льва». Воспитательное вліяніе Лагарпа, къ сожалѣнію, прекратилось слишкомъ скоро, такъ какъ Екатерина II женила 16-лѣтняго юношу на 14-лѣтней баденской принцессѣ. Поставленный съ ранняго дѣтства между Екатериной и Павломъ, вѣчно враждовавшими между собою, впечатлительный юноша сталъ прибѣгать къ оружію всѣхъ слабыхъ натуръ, хитрости, которою онъ, впослѣдствіи овладѣлъ въ совершенства. Живя попеременно съ бабушкой въ Петербургѣ и съ отцомъ въ Гатчинѣ, Александръ выучился, по-

воря слова священнаго писанія, «ходить на двѣ стези» и привыкъ жить на два различныхъ душевныхъ обихода. Съ бабушкой онъ изучалъ французскую конституцію и «Энциклопедію», а являясь въ Гатчину, удивлялъ отца своими плацпарадными успѣхами, которыми ученикъ Лягарта любилъ хвастаться, говоря: «вотъ это по нашему, по гатчянски!»

Еще до своего воцаренія, Павелъ познакомилъ Александра съ будущимъ его злымъ геніемъ, Аракчеевымъ, и благословилъ ихъ тѣсный союзъ, сказавъ: «все дѣлите другъ съ другомъ, какъ братья».

Въ Петербургѣ юный наслѣдникъ престола восхищалъ Лягарпа трогательными порывами нѣжной чувствительности, а являясь въ Гатчину, жилъ душа въ душу съ бездушнымъ и жестокимъ Аракчеевымъ.

Такимъ образомъ въ немъ постепенно вырабатывалась выдающаяся черта его характера, эластичность души, которая одна даетъ ключъ къ пониманію всѣхъ поступковъ этого закадычнаго друга Аракчеева и любимаго ученика республиканца Лягарпа.

Эта основная черта характера Александра выступила необыкновенно ярко въ двухъ слѣдующихъ письмахъ его къ бабушкѣ и къ отцу. Екатерина, считавшая Павла неспособнымъ къ царствованію, составила планъ устраненія его отъ престола, причемъ наслѣдникомъ намѣтила старшаго своего внука. Не рѣшаясь заговорить

съ сыномъ объ устраненіи отца, Екатерина прибѣгла къ содѣйствію Лагарпа; послѣдній, однако, отказался отъ этого, сказавъ, что никогда не рѣшится стать между отцомъ и сыномъ. Тогда ей пришлось обратиться къ Александру самой и подробно изложить ему планъ устраненія Павла отъ престола. На другой-же день послѣ разговора съ бабушкой, онъ написалъ ей слѣдующее письмо.

«Ваше Императорское Величество! Я никогда не буду въ состояніи достаточно выразить свою благодарность за то довѣріе, которымъ Ваше Величество соизволили почтить меня. Я надѣюсь, что Ваше Величество, судя по усердію, которымъ я заслужилъ неоцѣненное благоволеніе Ваше, убѣдитесь, что я вполнѣ чувствую все значеніе оказанной мнѣ милости. Даже своею кровью я не въ состояніи заплатить за то, что Вы соблаговолили уже и теперь еще желаете для меня сдѣлать. Эти бумаги вполнѣ подтверждаютъ всѣ соображенія, которыя Вашему Императорскому Величеству благоугодно было мнѣ сообщить и которыя какъ нельзя болѣе справедливы. Еще разъ повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства благодарности и преданности Вашему Императорскому Величеству, остаюсь всенижайшій, всепокорнѣйшій подданный и внукъ Александръ».

И въ тотъ-же день онъ отправилъ въ Гатчину письмо, въ которомъ, не дожидаясь воцаренія Павла, заранѣе называетъ его «Ваше Импера-

торское Величество»...

Эта постоянная привычка имѣть заднія мысли и играть на человѣческихъ сердцахъ, воспитала въ Александрѣ холодность и сухость сердца. Несмотря на прекрасныя задатки отъ природы и возвышенныя идеи и чувства, привитыя ему воспитаніемъ, несчастному и мягкому, какъ воскъ, Александру пришлось постоянно балансировать между гатчинской аракчеевщиной и гуманитарными возвышенными идеями своихъ воспитателей. Въ результатѣ получилась раздвоенность, нецѣльность натуры человѣка, жившаго, по живописному выраженію проф. Ключевскаго, «надва ума», умѣвшаго совмѣщать съ высшею обаятельностью и крайней чувствительностью всю жестокость своей эпохи. Несомнѣнное благородство и возвышенность побужденій Александра I какимъ-то непонятнымъ образомъ уживались въ немъ съ аракчеевщиной военныхъ поселеній.

II.

Съ какими предположеніями и стремленіями вступалъ Александръ на престолъ, видно изъ его собственнаго письма къ Лагарпу отъ 29-го сентября 1797 года, которое онъ писалъ будучи наслѣдникомъ престола, уже послѣ вышеприведенныхъ писемъ его къ бабушкѣ и къ отцу: «Письмо это передастъ Вамъ Новосильцевъ; онъ ѣдетъ исключительно затѣмъ, чтобы повидать Васъ и узнать Ваше мнѣніе объ обезпеченіи блага Россіи при условіи введенія въ ней конституціи. Положеніе моей бѣдной родины въ насто-

ящее время ужасное; военные все время теряютъ на парады, въ управленіи нѣтъ никакого опредѣленнаго плана: сегодня приказывается то, что черезъ мѣсяцъ будетъ отмѣнено. Благосостояніе государства не играетъ роли въ управленіи дѣлами; существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ-навыворотъ; выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ, заслуги тутъ ни причемъ. Однимъ словомъ все несчастное отечество находится въ положеніи, неподдающемся описанію. Мнѣ думается, если я буду когда-либо царствовать, я дамъ странѣ свободу. Тогда надо будетъ постараться образовать народное представительство, которое составило-бы свободную конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратится, и я удалился-бы въ какой-нибудь уголокъ и жилъ бы тамъ счастливый и довольный, видя процвѣтаніе своего отечества и наслаждаясь этимъ».

«Читая исторію, говорилъ Лагарпъ своему ученику, великому князю Александру Павловичу, вы увидете, что вездѣ, гдѣ тронъ покоился на основныхъ законахъ, свято соблюдаемыхъ, онъ сохранилъ прочность, что вездѣ, гдѣ государь считалъ себя только первымъ должностнымъ лицомъ націи, первымъ слугою государства и отцомъ своего народа, онъ былъ охраняемъ законами и любовью своихъ подданныхъ лучше, чѣмъ крѣпостями и солдатами».

Эти мысли юный Александръ усваивалъ отъ своего воспитателя какъ разъ въ то самое вре-

мя, когда Радищевъ пострадалъ за свои либеральныя убѣжденія. Въ годъ ссылки Радищева Александръ Павловичъ далъ Лагарпу обѣтъ «утвердить благо Россіи на основаніяхъ непоколебимыхъ», о чемъ Лагарпъ письменно напоминалъ ему за нѣсколько дней до коронованія. Эти взгляды, привитые старшему внуку Екатерины II, громко высказывались имъ въ присутствіи другихъ. Протасовъ, помощникъ графа Салтыкова по воспитанію великаго князя, сообщаетъ, что послѣдній, разговаривая о французскихъ дѣлахъ, по поводу газетныхъ извѣстій, выражалъ сочувствіе декларація правъ и провозглашенію равенства всѣхъ людей. Въ іюлѣ 1792 г. французскій повѣренный въ дѣлахъ, Жене, писалъ своему правительству въ донесеніи, что «нѣсколько дней тому назадъ великій князь началъ споръ о правахъ человѣка и, на вопросы придворныхъ о томъ, кто могъ столь хорошо освѣдомить его объ этомъ, отвѣчалъ, что бабушка заставила его прочесть французскую конституцію, что она объясняла ему всѣ ея статьи и причины французской революціи 1789 году и дала по этому поводу совѣты о томъ, чтобы онъ запечатлѣлъ ихъ въ своей памяти, но никому не сообщалъ ихъ».

Въ послѣдній годъ жизни Екатерины II Александръ Павловичъ, подъ вліяніемъ презрѣнія къ видѣнной имъ придворной грязи и чувства отвѣтственности за управленіе огромной имперіей, выражалъ въ письмахъ къ Лагарпу и Ко-

чубею намѣреніе современемъ отказаться отъ престола и поселиться съ женою на берегахъ Рейна. Въ задушевной бесѣдѣ съ кн. Адамомъ Чарторижскимъ Александръ высказывалъ, что нисколько не раздѣляетъ воззрѣній и правилъ кабинета и двора, что онъ порицаетъ основныя начала политики своей бабки, что все его сочувствіе на сторонѣ Польши, паденіе которой онъ оплакиваетъ, что Костюшко въ его глазахъ человѣкъ великій, потому что онъ защищалъ дѣло человѣчества и справедливости.

— Я ненавижу деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, — говорилъ великій князь; я люблю свободу, на которую имѣютъ одинаковое право всѣ люди. Осуждая ужасныя крайности французской революціи, я желаю успѣховъ республикѣ. Я всюду хотѣлъ бы видѣть республики, такъ какъ признаю эту форму правленія единственно сообразной съ правами человѣчества.

Будучи наслѣдникомъ престола, Александръ вполнѣ оцѣнилъ всю прелесть положенія дѣлъ въ царствованіи его отца, что видно изъ слѣдующаго отрывка его письма къ своему бывшему воспитателю Лагарпу. «Благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ-навыворотъ. Нельзя перечислить всѣ творимыя здѣсь безразсудства. Несчастное положеніе моего отечества заставляетъ меня придать своимъ

мыслямъ иное направленіе. Если когда-либо придетъ и мой чередъ царствовать, то, вмѣсто оставленія родины, я сдѣлаю гораздо лучше. поработавъ надъ дарованіе странѣ свободы. Мнѣ кажется, это было бы лучшимъ видомъ революціи, такъ какъ она была-бы произведена законной властью».

Сдѣлавшись государемъ послѣ мартовскаго переворота 1801 года, Александръ долго продолжалъ держаться тѣхъ убѣжденій, за которыя впослѣдствіи такъ жестоко пострадали декабристы. Уже въ первыхъ бесѣдахъ о предстоящихъ реформахъ съ гр. Строгановымъ, Государь сказалъ: что «необходимо опредѣленіе столь знаменитыхъ правъ человѣка». Затѣмъ, онъ выразилъ желаніе ознакомиться со всѣми конституціями.

Новое царствованіе съ самаго начала заявило себя дѣйствіями, которое не могло не произвести на общество сильнаго впечатлѣнія. Съ перваго же дня царствованія Александра посыпался на страну цѣлый рядъ разлыхъ освободительныхъ мѣръ чисто отрицательнаго характера, причемъ каждая изъ нихъ замѣтала какой-нибудь тяжелый слѣдъ предшествующаго царствованія. Чтобы нагляднѐе представить себѣ впечатлѣніе, получавшееся отъ этого поистинѣ потока указовъ, перечислимъ въ порядкѣ ихъ появленія нѣкоторыя изъ нихъ, 14-го марта изданъ указъ о снятіи запрещенія на вывозъ разныхъ продуктовъ и товаровъ изъ Россіи; 15—указъ объ освобожденіи заключенныхъ по дѣламъ, произво-

дившимся въ тайной канцеляріи и другой указъ объ амнистіи эмигрантамъ; 16—отмѣна запрещенія ввозить въ Россію товаровъ изъ-за границы; 19-го—указъ о томъ, чтобы полицейскіе чины не смѣли никого обижать и притѣснять; 22-го—указъ о свободномъ пропускѣ ѣдущихъ въ Россію иностранцевъ и отъѣзжающихъ заграницу русскихъ; 24-го—отмѣна запрещенія на вывозъ заграницу хлѣба и вина, 31-го—отмѣна запрещенія ввоза, изъ-за границы книгъ и музыкальныхъ нотъ и повелѣнія открыть частныя типографіи, закрытыя указомъ 5 іюня 1800 г.; 2-го апрѣля — уничтожена тайная канцелярія; 8-го — объ снятіи висѣлицъ поставленныхъ въ публичныхъ мѣстахъ городовъ для прибитія къ нимъ имена преступниковъ; 9-го—о позволеніи солдатамъ обрѣзать букли на головѣ и о введеніи новой формы, болѣе свободной, чѣмъ при Павлѣ; 22-го мая—освобожденіе священниковъ впавшихъ въ уголовное преступленіе, отъ тѣлесныхъ наказаній; затѣмъ, были возстановлены жалованныя грамоты дворянству и городамъ, 28 мая—указъ президенту академіи о непринманіи для напечатанія въ вѣдомостяхъ объявленій о продажѣ людей безъ земли; 5-го іюня—указъ сенату о представленіи имъ особаго доклада о его правахъ и обязанностяхъ, и въ тотъ же день данъ другой указъ объ учрежденія комиссіи составленія законовъ, которая была поручена гр. Завадовскому.

Всѣ эти указы, сыпавшіеся какъ изъ рога

изобилія одинъ за другимъ, поддерживали въ обществѣ одушевленіе, благопріятное для новаго царствованія; они, однако, только уничтожали наиболѣе рѣзкіе и бросавшіеся въ глаза запретительные законы, изданные императоромъ Павломъ. Положительная и творческая законодательная работа была, однако, сосредоточена въ негласномъ Неоффиціальномъ Комитетѣ, въ составъ котораго, между прочимъ, вошли ближайшіе друзья Александра I: Новосильцевъ, Кочубей, Адамъ Чарторыжскій и Строгановъ. Въ извѣстномъ сочиненіи великаго князя Николая Михайловича «Графъ Строгановъ и его время» напечатаны всѣ протоколы засѣданій этого Неоффиціальнаго Комитета, въ значительной мѣрѣ выяснившіе истинную «реформаторскую» роль Александра I. Августѣйшій авторъ документально доказалъ въ своей книгѣ, что Александръ вовсе не былъ солидаренъ со своими упомянутыми выше друзьями. «Императоръ вступилъ на престоль съ наилучшими намѣреніями, но выполненію ихъ мѣшаетъ его мягкій и лѣнивый характеръ». Александръ всегда имѣлъ собственныя опредѣленныя цѣли и задачи, въ преслѣдованіи которыхъ онъ былъ настойчивъ и упрямъ. Старые сенаторы смотрѣли на молодыхъ друзей Александра, какъ на «якобинскую шайку», но имъ пришлось побориться волѣ своего молодого друга. Предположенный ранѣе путь глубокой разработки политическихъ преобразованій замѣнился келейнымъ, въ строгой тайнѣ отъ

ничества и безъ его участія; во всѣхъ дѣйствіяхъ и постановленіяхъ Комитета преобладаетъ довѣріе къ обществу.

Комитетъ, между прочимъ, постановилъ разработать проектъ политической реформы и измѣнить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Составленъ былъ текстъ Высочайшей грамоты русскому народу, которую предполагалось издать во время коронаціи Александра I. Въ ней говорилось: «Правиломъ себѣ поставляю, что не народы сдѣланы для государей, а сами государи Промысломъ Божіимъ поставлены для счастія и благополучія народовъ. А потому узаконяю и обѣщаю Императорскимъ Нашимъ словомъ за насъ и преемниковъ нашихъ, яко коренным законом, слѣдующія статьи». Затѣмъ слѣдовало 26 статей съ изложеніемъ основъ политической свободы, главнѣйшія изъ которыхъ слѣдующія: 1) задержанные полиціей въ теченіе 3-хъ дней должны быть представлены суду для допроса; 2) наказаніе за оскорбленіе величества прилагается только къ дѣйствіямъ, но не къ словамъ и не къ сочиненіямъ; 3) подати и налоги могутъ вводиться только именнымъ указомъ чрезъ сенатъ. Далѣе, слѣдовали статьи о свободѣ вѣры, слова, мысли, печати и т. д.

Грамота эта, однако, не была обнародована.

Еще Радищевымъ, служившимъ въ комиссіи составленія законовъ, написанъ былъ слѣдующій проектъ: 1) всѣ состоянія равны передъ закономъ, а потому тѣлесное наказаніе отмѣняется;

2) табель о рангахъ отмѣняется; 3) въ уголовныхъ дѣлахъ отмѣнить пристрастные допросы, ввести публичное судопроизводство и судъ присяжныхъ; 4) вѣротерпимость должна быть совершенная и устранено все то, что стѣсняетъ свободу совѣсти; 5) ввести свободу книгопечатанія съ ограниченіями и точными постановленіями о степени отвѣтственности; 6) освободить крѣпостныхъ крестьянъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ іюнѣ 1804 г. министръ юстиціи, кн. Лопухинъ, управляющій комиссіей составленія законовъ, призвалъ къ себѣ перваго докладчика и секретаря этой комиссіи (замѣтимъ, кстати, не понимавшаго ни одного слова по-русски) барона Резенкампфа и объявилъ ему повелѣніе государя заняться составленіемъ конституціи для Россіи.

Въ 1808 г. Сперанскій находился въ свитѣ Александра I во время его свиданія въ Эрфуртѣ съ Наполеономъ, который обратилъ на Сперанскаго особое вниманіе, называя его «единственной свѣтлой головой въ Россіи». Вернувшись въ Петербургъ, Государь проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, относящихся къ вопросу о преобразованіи государства. Сперанскій составилъ проектъ конституціи, сущность которой состоитъ въ избираемой *Государственной Думѣ*, и отвѣтственномъ передъ нею министерствомъ: «*безъ сего все будетъ состоять только въ словахъ*».

Тутъ ясно критическое отношеніе Сперанскаго къ безконечнымъ разговорамъ объ ограниченіи самовластія, которыми императоръ Александръ I и его приближенные такъ усердно занимались въ первые годы его царствованія и которые ни на шагъ не подвигали дѣла впередъ. Однако, составленный Сперанскимъ проектъ преобразованія Россіи былъ принятъ послѣ всесторонняго обсужденія, и авторъ его надѣялся, что въ 1811 г. онъ будетъ введенъ въ дѣйствіе полностью. Но, вмѣсто благодарности за свои многолѣтніе неустанные труды, этотъ талантливый государственный дѣятель, былъ вѣроломно арестованъ и сосланъ безъ всякихъ объясненій въ Сибирь. Около того-же времени выработанъ былъ Мордвиновымъ другой проектъ истинно русской конституціи. Члены Государственной Думы наслѣдственны и получаютъ въ собственность по 10.000 крѣпостныхъ крестьянъ, а такъ какъ членовъ этой Думы предполагалось 50, то мордвиновская конституція обошлась бы, въ случаѣ ея осуществленія, въ 500.000 крестьянъ мужского пола, а съ женщинами въ 4 милліона казенныхъ крестьянъ, обращенныхъ въ крѣпостное рабство. Хотя въ соціально-политическихъ взглядахъ Мордвинова было много несимпатичнаго, но все-же за свой политическій либерализмъ онъ пользовался сочувствіемъ декабристовъ Сѣвернаго Общества, и Н. И. Тургеневъ передаетъ его мотивировку истинно-русской Государственной Думы: «кто мететъ лѣстницу снизу?» Въ ту дале-

кую эпоху даже весьма просвѣщенные и либеральные люди считали государственное устройство своего рода лѣстницей, на верхнія ступеньки которой они и старались взобраться. Не лишено интереса, что Мордвиновъ, Сперанскій и Ермоловъ намѣчались многими изъ декабристовъ въ члены временнаго правительства.

III.

Вниманіе правительства было отвлечено отъ вопросовъ внутренняго управленія въ область международной политики и внѣшнихъ войнъ.

Неоффиціальный Комитетъ самъ собою распался, наступило и личное охлажденіе между его членами и Александромъ. Первыя воинственныя выступленія Александра противъ Наполеона, сперва въ союзѣ съ Австріей, потомъ съ Пруссіей, были крайне неудачны.

Наполеонъ два раза разбилъ русскую армію, сначала подъ Аустерлицемъ въ 1805 году, потомъ подъ Фридландомъ. Это было страшнымъ ударомъ для народнаго чувства русскаго общества, которое привыкло къ екатерининскимъ шумнымъ побѣдамъ Суворова и Румянцева и считало нсокрушимымъ военное могущество Россіи. Русское общество было изумлено картинами грознаго пораженія. Въ широкихъ кругахъ населенія стало распространяться сильное недовольство общимъ положеніемъ.

Послѣ Іенской битвы, уничтожившей Пруссію, какъ государство въ 1806 г., Александръ I рѣшилъ выручить прусскаго короля и, не-

долго думая, объявилъ Наполеону войну, которая только благодаря случаю не окончилась совершеннымъ уничтоженіемъ всей русской арміи. Война эта была первой крупной ошибкой молодого русскаго императора и создала ему немало недоброжелателей. Изданъ былъ манифестъ о созывѣ 612.000 человѣкъ ополченія, воззваніе о пожертвованіяхъ деньгами, хлѣбомъ, оружіемъ, такъ какъ ничего этого въ запасѣ у казны не было, а были только интенданты. Оружіе получила только одна пятая часть ополченія, а остальнымъ сотнямъ тысячъ крестьянъ-рекрутовъ даны были одни пики да никуда негодныя копья. Синодъ окружнымъ посланіемъ объявилъ, что Наполеонъ есть антихристъ и предписалъ каждое воскресенье читать въ церквахъ свой указъ, въ которомъ говорилось, что «неистовый врагъ мира и благословенныя тишины, Наполеонъ Бонапартъ, дерзаетъ угрожать Россіи вторженіемъ въ ея предѣлы и потрясеніемъ правъ церкви, что во время революціи онъ отложился отъ христовой церкви, воздавалъ поклоненіе, одному Богу подобающее: истуканамъ, человѣческимъ тварямъ, блудницамъ и идольскимъ изображеніямъ, проповѣдовалъ алкоранъ магометанъ, созвалъ во Франціи іудейскія синагоги, установилъ новый великій синедріонъ, сей самый богопротивный соборъ, который нѣкогда дерзнулъ распять Спасителя и теперь помышляетъ соединить іудеевъ и устремить ихъ на ниспроверженіе церкви христовой и — о, дерзость

ужасная, превосходящая мѣру всѣхъ злодѣяній! — на провозглашеніе въ его лицѣ Мессіи... Наполеонъ въ буйствѣ своемъ хочетъ, съ помощью ненавистниковъ имени Христа и способниковъ его несчастія, похитить (о чемъ каждому человѣку и помыслить ужасно!) священное имя Мессіи! Покажите ему, что онъ тварь, совѣстію сожженная» и т. д.

Александръ I назначилъ главнокомандующимъ престарѣлаго гр. Каменскаго (69 лѣтъ) съ обширными полномочіями. А онъ три недѣли ѣхалъ изъ Петербурга до Вильны, тихо поспѣшая, и затѣмъ доноситъ Государю: «я лишился почти послѣдняго зрѣнія: ни одного города на картѣ самъ отыскать не могу, неспособенъ я долго верхомъ ѣздить. Подписываю, что не знаю». Семь дней этотъ щедринскій главнокомандующій предводительствовалъ обширной арміей, и только благодаря Господу Богу не погубилъ ее, а на восьмой день, уѣхалъ обратно, приказавъ «бросать по дорогѣ артиллерію, имѣть регираду на россійскую границу, а какъ мнѣ въ Пруссіи дороги неизвѣстны, то самимъ генераламъ и бригаднымъ командирамъ навѣдоваться о кратчайшемъ трактѣ». Треть армія была распущена для добыванія себѣ пищи и откапыванія себѣ въ огородахъ картофеля. Впослѣдствіи Наполеонъ привезъ въ Варшаву брошенную Каменскимъ артиллерію, въ качествѣ трофея.

Такъ воевалъ съ Наполеономъ русскій фельдмаршалъ Каменскій, самъ о себѣ писавшій: «Я

молову: «я—сумасшедшій».

Союзъ съ Наполеономъ послѣ неудачной войны ударилъ по карману купечество и помѣщиковъ, такъ какъ этотъ союзъ вовлекъ Россію въ континентальную систему, сущность которой состояла въ бойкотированіи Англіи: воспрещались всякія торговыя сношенія съ этой богатѣйшей страной въ Европѣ. Въ то время русскіе помѣщики уже стали превращаться въ поставщиковъ хлѣба за границу.

Отечественная война 1812 года оставила глубокій слѣдъ, какъ въ общественномъ сознаніи, такъ и въ направленіи правительственной политики. До 12-го года правительство шло впереди общества по пути преобразованій; послѣ 12-го года роли перемѣнились. Общество встрепенулось, а правящіе круги повернули назадъ. Подъемъ преобразовательныхъ стремленій въ передовыхъ кругахъ общества того времени обусловливался многими причинами. Не послѣднюю роль въ этомъ отношеніи играло и вліяніе преобразовательныхъ попытокъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра, которые привлекли общественное вниманіе къ политическимъ вопросамъ. Затѣмъ, сама отечественная война была великимъ актомъ народной самодѣятельности защитной національной самодѣятельности, а это содѣйствовало подъему политическаго самосознанія. Тогдашняя военная молодежь только что прошла съ арміей тріумфальнымъ маршемъ отъ Москвы до Парижа и на всемъ пути освобо-

дила западные народы отъ наполеоновскаго ига.

— Для того-ли мы освободили Европу отъ Наполеона,—говорили офицеры,—чтобы самимъ остаться безгласными слугами стараго порядка!

Самое пребываніе въ западныхъ странахъ развернуло передъ русскими людьми наглядную картину иныхъ политическихъ отношеній и порядковъ, чѣмъ тѣ, которые господствовали въ Россіи. Они видѣли въ Парижѣ открытіе палаты депутатовъ, послѣ возстановленія на тронѣ Людовика XVIII, съ обязательствомъ ввести во Франціи конституцію. Русское общество вышло изъ парижскаго военнаго испытанія упоеннное славой, окрыленное надеждами на лучшее будущее, съ увѣренностью въ своихъ силахъ, съ жаждой внутреннихъ преобразованій.

Вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ и время пребыванія ихъ въ этомъ городѣ было эпохой высшаго развитія славы и заслуженной популярности Александра I. 19-го марта 1814 года онъ объявилъ, что не намѣренъ входить съ Наполеономъ ни въ какіе переговоры и, какъ признанный глава союзныхъ войскъ, заставилъ французскій сенатъ провозгласить низложеніе побѣжденнаго императора и учредить временное правительство. Наполеонъ былъ отвезенъ на островъ Эльбу и водворенъ на жительство подъ стражей англичанъ, но съ сохраненіемъ титула императора несуществующей имперіи. Настойчивости Александра I Европа была обязана своимъ освобожденіемъ отъ власти Наполеона. И

побѣжденная Франція — свободными учрежденіями, на принятіи и введеніи которыхъ во Франціи приглашеннымъ царствовать королемъ Людовикомъ XVIII настоялъ опять-таки Александръ, самодержавный русскій императоръ. Это оригинальное явленіе создало послѣднему громадную популярность въ Европѣ, такъ что, когда онъ пріѣхалъ 18-го іюня въ Англію, то свободные британцы сдѣлали ему самый восторженный пріемъ.

Но въ непродолжительномъ времени «догорѣли огни, облетѣли цвѣты». Вмѣстѣ съ Людовикомъ XVIII возвратились во Францію многія аристократическія фамиліи, враги новыхъ порядковъ, водворившихся во Франціи во время освободительнаго движенія. Началась реакція, которою и воспользовался Наполеонъ, бѣжавшій съ Эльбы. Присланныя противъ него изъ Парижа войска преклонили предъ нимъ свои знамена. 8-го марта 1815 года Наполеонъ, во главѣ войскъ вернувшся въ Парижъ вечеромъ, а въ тотъ день утромъ Людовикъ XVIII бѣжалъ въ Бельгію.

Александръ I и союзные государи были въ это время на конгрессѣ въ Вѣнѣ и усердно занимались уничтоженіемъ всѣхъ завоеваній французской революціи и возстановленіемъ старыхъ порядковъ въ Европѣ. Душою конгресса былъ Меттерних, закоренѣлый врагъ всякаго прогресса и свободы и самый жестокій реакціонеръ. Пагубнаго вліянія князя Меттерниха не избѣгъ и Александръ. Прежнія его свободолюбивыя стре-

мленія, постепенно ослабѣвая, уступили реакціонному духу, которымъ одушевлены были всѣ собравшіеся на конгрессъ европейскіе государи. Всѣ они мечтали о возстановленіи въ Европѣ старыхъ порядковъ, разшатанныхъ французской революціей, порядковъ, при которыхъ имъ такъ легко и беззаботно жилось когда-то. Быстро пронеслась головокружительная исторія Ста Дней. Наполеонъ — на островѣ св. Елены, Людовикъ XVIII опять въ Парижѣ.

Если-бы Александръ I остался вѣренъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ («ограничить произволъ нашего правленія»), то могъ бы со славою побѣдителя миротворца соединить еще большую славу возстановителя свободы народовъ. Но эта слава его не плѣняла, и онъ уже забылъ то, чему поклонялся въ юности. Послѣднимъ либеральнымъ дѣйствіемъ Александра I было даро-ваніе конституціонныхъ учрежденій Польшѣ, присоединенной вѣнскимъ конгрессомъ къ Россіи.

Но съ перваго же года введенія польской конституціи онъ самъ началъ нарушать и ограничивать ее.

Европейскія правительства не только не спѣшили исполнить свои обѣщанія дать народамъ свободныя учрежденія, но стали считать преступнымъ справедливое желаніе получить торжественно обѣщанныя конституціи. Александръ сталъ во главѣ правительствъ, духовнымъ главою которыхъ былъ кн. Меттернихъ.

Народы, разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ

стали прибѣгать къ учрежденію тайныхъ обществъ. Вся Европа покрылась цѣлою сѣтью тайныхъ политическихъ союзовъ и обществъ съ цѣлью борьбы за пріобрѣтеніе свободныхъ учрежденій.

IV.

Въ 1815 году вышелъ манифестъ, подводящій итоги событіямъ. Онъ прозвучалъ рѣзкимъ диссонансомъ съ господствующимъ настроеніемъ общества. Манифестъ Александра говорилъ не о подвигахъ, а о смиреніи, онъ взывалъ не къ героическимъ, а къ покаяннымъ чувствамъ. «Самая великость совершенныхъ дѣлъ показываетъ, что не мы то сдѣлали, а Богъ для совершенія сего употребилъ наши руки, далъ свою силу нашей слабости, простотѣ нашей — свою мудрость, слѣпотѣ нашей—свое всевидящее око. Что изберемъ? Гордость или смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, смиреніе наше исправитъ наши нравы, принесетъ намъ честь и славу и покажетъ, что мы никому не страшны».

Общій тонъ манифеста не былъ случайнымъ; онъ явился отзвукомъ личнаго настроенія Александра. Образъ мыслей и жизнь его измѣнились до такой степени, что самые близкіе изъ окружавшихъ его увѣряли, что по возвращеніи Александра изъ Парижа его трудно узнать. «Опытъ убѣдилъ его, что употребили во зло его стремленіе къ добру» говорится въ запискахъ одного современника. Язвительная улыбка и равнодушіе явились на устахъ его. Скрытость

уступила мѣсто откровенности, а любовь къ уединенію сдѣлалась господствующей его чертой. Свою врожденную проницательность онъ употребляетъ къ тому, чтобы въ другихъ людяхъ открывать пороки и слабыя стороны».

Пятнадцатилѣтнее царствованіе и неудачные опыты осуществленія реформъ и мечтаній молодости привели Александра къ разочарованію въ людяхъ и къ мистицизму. Какъ разъ въ описываемый моментъ переломъ въ душѣ его достигъ своей высшей точки. Ему нуженъ былъ человѣкъ, который могъ-бы явится для него преданнымъ и вѣрнымъ сторожемъ, оберегающимъ его отъ лишнихъ заботъ и житейскихъ впечатлѣній, нарушающихъ покой мистическаго самоуглубленія. Такой нужный человѣкъ давно у него былъ на примѣтѣ, это Аракчеевъ. Другой приближенной особой къ Александру явилась въ то-же время баронесса Крюднеръ. Она очень бурно провела свою молодость, послѣ чего занялась спеціально довольно прибыльной профессіей—мистическимъ прорицаніемъ. Слава объ этой новѣйшей Пиѳіи дошла и до Петербурга.

Очень характерный для той отдаленной эпохи (1816 годъ) эпизодъ разсказываетъ Штейнгель, бывшій адъютантомъ московскаго генералъ-губернатора гр. Тормасова. На Кремлевской набережной оставался древній соборъ Николы Гостунскаго, похожій на «Спаса на Бору», также вросшій въ землю. По полученіи извѣстія, что съ Александромъ I пріѣдетъ въ Москву и пру-

скій король, рѣшено было сломать соборъ, а площадь очистить для парадовъ. Въ то время почтенная блюстительница археологической красоты Москвы, гр. Уварова, возмутившаяся въ 1909 году прокладкой трамвая на Красной пл., еще только что родилась и не могла еще помѣшать такому богомезкому замыслу любителя парадовъ гр. Тормасова. Митрополитъ Августинъ, сначала было возмущенный этимъ проектомъ и наговорившій, было, кучу дерзостей по адресу Тормасова, далъ свое согласіе съ тѣмъ условіемъ, чтобы древній соборъ былъ снесенъ въ одну ночь.

— Скажите графу, что я согласенъ, но пусть онъ дастъ мнѣ честное слово, что, приступивъ къ ломкѣ ночью, къ утру не только сломаютъ, но очистятъ и разровняютъ все мѣсто такъ, чтобы и знака не оставалось, что здѣсь былъ соборъ. Я знаю Москву: начни ломать обыкновеннымъ образомъ, толковъ не оберешься. Надо удивить неожиданностью, и всѣ замолчатъ. Между тѣмъ, я сдѣлаю процессію: торжественно перенесу всю утварь во вновь отдѣланную церковь подъ колокольней Ивана Великаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освящу ее.

— О, что до этого,— сказалъ обрадованный московскій главнокомандующій,— я наряжу цѣлый полкъ. Митрополитъ можетъ быть увѣренъ, что къ утру не останется ни камешка.

Соборъ, дѣйствительно, исчезъ въ одну ночь.

V.

По предложенію Александра I въ Ахенѣ былъ созванъ спеціальный конгрессъ, на которомъ, по его личному настоянію, было признано право вмѣшательства во внутреннія дѣла сосѣдней державы, въ случаѣ измѣненія въ ней существующаго порядка. На этомъ же конгрессѣ приняты были строгія мѣры противъ свободы книгопечатанія и всѣхъ тайныхъ обществъ. Далѣе Александръ I одобрилъ нарушеніе испанскимъ королемъ конституціи кортесовъ, которую онъ самъ торжественно призналъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ вмѣстѣ съ уполномоченными отъ испанскихъ кортесовъ 8-го іюля 1812 года въ Великихъ Лукахъ: тогда можно было опасаться враждебнаго отношенія Испаніи, такъ какъ Наполеонъ еще не былъ побѣжденъ.

Въ 1821 году Александръ вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ не возражалъ противъ вѣроломства неаполитанскаго короля, который только что вынужденъ былъ присягнуть въ точномъ соблюденіи конституціи: лайбахскій конгрессъ разрѣшилъ неаполитанскому королю совершить это вѣроломство. Далѣе, Александръ I предложилъ конгрессу поручить австрійскимъ войскамъ подавить начинавшееся въ Піемонтѣ возстаніе противъ сардинскаго короля. Мало того, во время засѣданій конгресса въ Лайбахѣ, пришло извѣстіе о возстаніи грековъ противъ турецкихъ звѣрствъ; Александръ, который прежде не только благопріятствовалъ ихъ освобо-

женію, но чрезъ тайныхъ агентовъ подстрекалъ ихъ къ возмущенію, теперь сталъ высказывать, что возстаніе грековъ есть результатъ не турецкихъ притѣсненій, а подстрекательство европейскихъ демагоговъ и революціонеровъ. Бывшій защитникъ грековъ изъявилъ готовность подавить возстаніе силою и въ этомъ смыслѣ написалъ увѣреніе самому султану.

Въ слѣдующемъ 1822 году Александръ, въ бытность свою на Веронскомъ конгрессѣ, еще болѣе утвердился въ своей политикѣ противъ своихъ единовѣрцевъ. Веронскій конгрессъ окончательно выдалъ грековъ турецкому султану заключеніемъ съ нимъ мирнаго договора.

Въ военныхъ походахъ по Германіи и Франціи молодые офицеры познакомились съ европейскими порядками, которые произвели на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все видѣнное ими за границей съ тѣмъ, что имъ на каждомъ шагу встрѣчалось на родинѣ. Рабство безправнаго большинства, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія властей, безграничный произволъ,—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованную военную молодежь. Многіе изъ нихъ познакомились въ походѣ съ нѣмецкими офицерами, членами прусскаго тайнаго общества, которое подготовило народное возстаніе въ Германіи и содѣйствовало ея освобожденію. Еще большее вліяніе произвело на русское офицерство продолжительное пребы-

ваніе русскихъ войскъ въ Парижѣ; знакомство съ французскимъ языкомъ въ значительной степени способствовало распространеніе въ офицерской средѣ идей свободы и гражданскаго равенства. Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ свободомыслящими иностранцами наши молодые люди незамѣтно усвоили себѣ новый образъ мыслей и любовь къ конституціоннымъ учрежденіямъ.

Возвращаясь въ Россію, могли-ли наши либерально настроенные офицеры удовлетвориться пошлой полковой жизнью, скучными мелочными занятіями строевой службы! А этого отъ нихъ строго требовали начальники, старавшіеся угождать склонности Александра и его братьевъ къ фрунтоманіи, солдатской выправкѣ и церемоніальнымъ маршамъ и проч., несмотря на то, что опытъ двухлѣтней жестокой войны съ такимъ противникомъ, какъ Наполеонъ, могли-бы, кажется, убѣдить всякаго, что не отъ шагистики и учебнаго шага въ три пріема зависитъ побѣда.

Когда мыслящіе русскіе патріоты могли еще ожидать отъ самого Александра благодѣтельныхъ реформъ, они готовы были усердно содѣйствовать его благимъ намѣреніямъ; но когда образованная часть общества увидѣла, что юношескіе идеалы Александра стали уступать мѣсто совершенно противоположнымъ убѣжденіямъ, то самые восторженные почитатели его въ блистательную эпоху занятія Парижа совершенно охладѣли къ нему. Послѣ войны императоръ рѣши-

тельно вступилъ на путь мистико-созерцательной религіозности, завершившійся «Священнымъ союзомъ», послѣдствія котораго отразились неблагопріятно и на внутренней политикѣ Россіи. Съ этого времени во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія водворяется реакція.

Въ то время многіе офицеры гвардіи и генеральнаго штаба выписывали изъ-за границы иностранныя книги, журналы и политическія газеты, и съ увлеченіемъ слѣдили за развитіемъ тамошней политической жизни и за перипетіями борьбы за свободныя учрежденія. Изучая смѣлыя политическія системы и теоріи Запада, молодежь стала мечтать о возможности примѣненія ихъ въ своемъ отечествѣ. А это и было главнымъ предметомъ занятій быстро размножившихся въ Европѣ тайныхъ политическихъ обществъ. Уставы нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ во Франціи и Германіи завезены были въ Россію и навели нашихъ либераловъ на мысль объ учрежденіи тайнаго политическаго общества. Въ концѣ 1816 года эта мысль осуществилась: нѣсколько офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба вошли въ составъ тайнаго общества подъ названіемъ *Союза спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества*. Основателями его были: А. Н. и Н. М. Муравьевы, кн. С. П. Трубецкой, кн. Илья Долгоруковъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолъ, маіоръ Лунинъ, полковникъ Ѳ. Н. Глинка, Якушкинъ, адъютантъ главнокомандующаго 2 арміей Па-

Пестель и другія лица.

Въ 1817 году кн. Илья Долгоруковъ ѣздилъ въ Германію и вошелъ въ сношенія съ членами тамошняго *Союза Друзей Добродѣтели*, уставъ котораго, переработанный Пестелемъ, былъ принятъ въ слѣдующемъ году собравшимися членами общества въ Москвѣ. Общество приняло названіе *Союза Благоденствія* (или *Общества Зеленой Книги*, по цвѣту переплета устава) и поставило себѣ цѣлью: направлять всѣ свои силы на общественную пользу, борьбу съ невѣжествомъ, съ злоупотребленіями чиновниковъ и безчестными поступками частныхъ лицъ, на благородное направленіе воспитанія юношества, «стремиться уничтожить крѣпостное рабство и ревностно содѣйствовать правительству въ его благихъ намѣреніяхъ». Конечною, хотя и скрытою, цѣлью Союза Благоденствія было введеніе въ Россіи представительнаго образа правленія. Идеалы декабристовъ—уничтоженіе крѣпостного права и представительный образъ правленія—были санкціонированы Высочайшими манифестами въ 1861 и 1904 годахъ.

Уставъ *Союза Благоденствія* былъ извѣстенъ самому Александру I, который давалъ его читать цесаревичу Константину Павловичу и не видѣлъ въ немъ ничего противузаконнаго въ то время. По взгляду его, по мнѣнію Шильдера, нѣсколько измѣнился послѣ бунта Семеновскаго полка въ 1820 году. И позже, однако,

въ маѣ 1821 года, императоръ Александръ I, выслушавъ докладъ командира гвардейскаго корпуса Васильчикова, сказалъ ему:

— Любезный Васильчиковъ! Вы, который служите мнѣ съ самаго начала моего царствованія, вы знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ всѣ эти мечты и эти заблужденія...

— Не мнѣ подобаетъ быть особенно строгимъ,—прибавилъ государь, немного помолчавъ.

Что императоръ Александръ I до самой своей смерти не измѣнилъ этого взгляда на «заблужденія Союза Благоденствія», доказывается тѣмъ, что записка гр. Бенкендорфа, будущаго шефа жандармовъ при Николаѣ I, въ которой свѣдѣнія о тайныхъ обществахъ были изложены съ достаточной полнотой и съ перечисленіемъ всѣхъ главныхъ дѣятелей, также осталась безъ послѣдствій. Послѣ кончины Александра I, эта записка была найдена въ его кабинетѣ, въ Царскомъ Селѣ. Приняты были только нѣкоторыя мѣры предосторожности: въ 1821 г. сдѣлано распоряженіе объ устройствѣ военной полиціи при гвардейскомъ корпусѣ; 1-го августа 1822 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о закрытіи масонскихъ ложъ и вообще тайныхъ обществъ, подъ какимъ-бы названіемъ они ни существовали; вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всѣхъ служащихъ, военныхъ и гражданскихъ, отобрала была подписка о непринадлежности ихъ къ тайнымъ обществамъ.

Всѣ эти мѣры не остановили, однако, даль-

нѣйшаго развитія тайныхъ обществъ; напротивъ, когда исчезла всякая надежда на реформы, среди членовъ тайныхъ обществъ возникла мысль о необходимости насильственнаго измѣненія существующаго порядка вещей.

VI.

Окончательный отказъ отъ преобразовательныхъ намѣреній во внутренней политикѣ совершился у Александра послѣ бунта Семеновскаго полка, который произвелъ большое впечатлѣніе въ высшихъ сферахъ столичнаго общества. Онъ явился результатомъ тѣхъ условій, въ которыхъ протекала жизнь солдатъ начиная съ воцаренія Павла. Парадомапія, ружистика и шагистика замѣнили всѣ другіе пріемы подготовки и военнаго воспитанія арміи. Чтобы понять настроеніе тогдашнихъ военныхъ, приведемъ небольшой отрывокъ изъ письменнаго свидѣтельства старыхъ генераловъ той эпохи, которые вовсе не были расположены къ критикѣ правительства, а были всецѣло преданы старому порядку и строгой дисциплинѣ, напр., письмо генерала Сабанеева къ генералу Киселеву отъ 7-го декабря 1820 года о настроеніи въ южной арміи. «Нигдѣ не слышно другого звука, кромѣ ружейныхъ пріемовъ и командныхъ словъ. Бывало въ лагеряхъ по вечерамъ пѣсни, веселье, теперь ничего не услышишь. Цѣль арміи ружейные пріемы и учебныя команды. Чему-же обучаютъ? Стойкѣ, учебному шагу въ три пріема. Не совѣстно ли старикамъ, ноги которыхъ исхо-

дили десятки тысячъ верстъ, которыхъ тѣло покрыто ранами, учиться такимъ вещамъ вмѣстѣ съ молодыми рекрутами. На смотрахъ Государь видитъ только одну внѣшность, и всѣ прочіе думаютъ о ней только. У всякаго въ головѣ смотры, учебные шаги, хорошая стойка, быстрый взглядъ, вытянутый носокъ. Всѣ сіи ничтожные для истинной цѣли военной службы предметы настолько всѣхъ заняли, что нѣтъ минуты заняться полезными предметами». Приказомъ Александра въ 1820 г. предписывалось, чтобы во всѣхъ арміяхъ дѣлали въ минуту 70 шаговъ по аршину каждый, при тихомъ шагѣ, и по 125 аршинныхъ шаговъ въ минуту, при скоромъ маршѣ. Высоко поднятая нога во время военскаго шага должна была имѣть характеръ прямого угла. На кивера ставились стаканы съ водой, наполненные до верху водой, и солдаты заставляли маршировать такъ, чтобы вода не расплескалась: въ противномъ случаѣ—били; чтобы фронтъ представлялъ собою единообразную красоту, молодыхъ рекрутовъ гримировали и налѣпляли имъ искусственные усы. Телесныя наказанія за малѣйшую провинность свирѣпствовали въ ужасающихъ размѣрахъ: шпицрутены и палки въ тысячи ударовъ были дѣломъ обычнымъ.

Въ Семеновскомъ полку, послѣ походовъ 1812—14 годовъ за границу собралось очень просвѣщенное молодое офицерство, принадлежавшее къ тѣмъ слоямъ гвардейской молодежи,

изъ которыхъ вышли будущіе декабристы. Они сознавали тяжелое положеніе солдатской службы и старались его смягчить, боролись съ примѣненіемъ тѣлесныхъ наказаній и фактически совершенно ихъ уничтожили. Кромѣ того, солдатъ старались развивать, завели доступныя имъ библіотеки. Такіе порядки въ Семеновскомъ полку не нравились высшему начальству съ Аракчеевымъ во главѣ. Гуманный полковой командиръ былъ замѣненъ жестокимъ и невѣжественнымъ полковникомъ Шварцемъ; который вновь ввелъ тѣлесныя наказанія, придавая имъ характеръ истязаній и издѣвательства. Одна рота подала жалобу на Шварца, за что была вся отправлена въ крѣпость. Другія роты заволновались, но ихъ для устрашенія вывели на плацъ и объявили, что тѣ, кто присоединяется къ жалобѣ арестованной роты, могутъ отправиться къ арестованныхъ товарищамъ. Тогда всѣ роты повернули съ плаца въ крѣпость и это было названо бунтомъ Семеновскаго полка. Весь полкъ былъ раскассированъ, солдаты отправлены въ далекія окраины послѣ наказанія шпицрутенами.

Послѣ Семеновскаго бунта началась самая мрачная эпоха. Положеніе Аракчеева окончательно упрочилось; самое его имя стало нарицательнымъ для цѣлой исторической эпохи, характеръ которой состоялъ, съ одной стороны, въ полицейскихъ репрессіяхъ относительно общественной дѣятельности, а съ другой — непо

мѣрномъ развитіи бюрократическихъ и канцелярскихъ порядковъ въ управленіи. Наиболѣе яркимъ образомъ выразилось это направленіе въ учрежденіи военныхъ поселеній, съ особенной настойчивостью продолжавшееся Аракчеевымъ. Первый опытъ былъ сдѣланъ еще въ 1812 году въ Могилевской губерніи, но дѣлу помѣшала отечественная война. Въ 1816 году Александръ снова возвращается къ этой идеѣ и въ Высоцкой волости, Новгородскаго уѣзда организуется первое военное поселеніе.

Изъ всѣхъ дѣйствій Александра I самымъ ненавистнымъ было учрежденіе военныхъ поселеній. Эта ужасная мѣра была введена безъ всякихъ послабленій въ Новгородской, Псковской, Смоленской, Харьковской, Херсонской, Екатеринославской и Петербургской губерніяхъ. На устройство ихъ истрачены были безъ всякой пользы многіе десятки милліоновъ рублей. Къ концу царствованія Александра въ военныхъ поселеніяхъ насчитывалось 748.519 душъ мужскаго пола. Главный начальникъ военныхъ поселеній, генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ, ненавидимый всѣми безъ исключенія за свой злобный и свирѣпый нравъ и крайнюю тупость, былъ, по его собственному выраженію, «безъ лести преданъ» Александру и взялся привести въ исполненіе идею превращенія всего крестьянскаго населенія въ казарму самаго фантастическаго характера. Во всемъ столичномъ обществѣ нашелся только одинъ храбрый и

прямодушный русскій человѣкъ (да и тотъ былъ нѣмецъ), который смѣло высказалъ Государю свое неодобреніе военныхъ поселеній и неизбѣжность пагубныхъ послѣдствій этой дикой мѣры. Это былъ фельдмаршалъ кн. Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли.

Аракчеевскія военныя поселенія нанесли послѣдній ударъ популярности Александра I.

Крестьяне, обращенные въ военныхъ поселянъ, совершенно измѣнили свой бытъ и вѣковые обычаи. Всѣмъ приказано было обрить бороды. Но какими страшными мѣрами достигалась эта перемѣна вѣковыхъ обычаевъ! Многіе крестьяне самоубійствомъ избавляли себя отъ аракчеевщины; другіе цѣлыми семьями уходили въ лѣса и во мхи, гдѣ и умирали съ голода, предпочитая смерть аракчеевскимъ порядкамъ военныхъ поселеній.

Съ трехъ часовъ утра начиналось ученіе и продолжалось до полудня; затѣмъ одинъ часъ давался на одѣваніе и приготовленіе къ разводу и одинъ часъ на самый разводъ. Съ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня время обѣда и отдыха, съ 4-хъ часовъ начиналось опять ученіе, продолжавшееся до 9-ти часовъ вечера, съ тѣмъ, чтобы въ три часа утра снова возобновиться.

Браки между военно-поселенными совершались исключительно по усмотрѣнію военнаго начальства. Выстроивъ въ двѣ шеренги парней и молодыхъ дѣвицъ, полковникъ «расписывалъ» невѣстъ по ихъ женихамъ, не обращая никакого

маніи на ихъ взаимныя чувства. Такое грубое вмѣшательство въ интимную жизнь крестьянъ, изнурительныя ученія и жестокія тѣлесныя наказанія вызывали иногда рѣзкое сопротивленіе крестьянъ введенію военныхъ поселеній.

Составляя по порученію Александра I проектъ военныхъ поселеній, Аракчеевъ имѣлъ въ виду достигнуть возможности всегда имѣть въ готовности огромную армію, для пополенія которой не надо ни рекрутъ, ни денегъ, на содержаніе: поселяне должны были сами себя содержать. Императоръ далъ ему полную власть распоряжаться не только военными поселеніями, но и всѣми внутренними дѣлами. О могуществѣ Аракчеева можно судить потому, что когда собирался Государственный Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ кн. Лопухина, то это высшее государственное учрежденіе по цѣлымъ часамъ ждало пріѣзда Аракчеева, при появленіи котораго всѣ члены Государственнаго Совѣта вставали и не садились до тѣхъ поръ, пока не сядетъ онъ. Обхожденіе его было со всѣми самое грубое.

Аракчеевскіе опыты начались въ сѣверныхъ губерніяхъ съ пѣхотой, въ южныхъ съ кавалеріей. Несмѣтныя суммы отпускались министромъ финансовъ Гурьевымъ по требованіямъ Аракчеева; надмелный временщикъ иногда на лоскуткѣ бумаги, оторваннымъ отъ конверта, писалъ свои требованія министру объ отпускѣ нѣсколькихъ милліоновъ рублей. И министръ эти милліоны безпрекословно отпускалъ. Строгости

на военныхъ поселеніяхъ были ужасныя. Офицеры не могли выносить такой службы, гдѣ ежедневно приходилось вмѣшиваться въ семейную жизнь поселянъ, записывать каждую курицу, считать каждое яйцо, наказывать розгами за малѣйшее отступленіе отъ аракчеевскихъ предписаній. Офицеры стали выходить въ отставку, такъ какъ переводъ въ другія войска имъ былъ воспрещенъ,—Аракчеевъ распорядился, чтобы никто изъ выходящихъ въ отставку изъ военныхъ поселеній офицеровъ ни въ какую службу, ни въ военную, ни въ гражданскую не принимался.

Аракчеевъ принадлежалъ къ числу самыхъ фанатическихъ нивеллаторовъ ежовыхъ рукавицъ. Начертавши прямую линію, онъ мысленно втиснулъ въ нее весь видимый и невидимый міръ, и притомъ съ такимъ непремѣннымъ разсчетомъ, чтобы нельзя было повернуться ни взадъ, ни впередъ, ни вправо, ни влѣво. Прямая линія соблазняла его не ради того, что она есть въ то же время и кратчайшая,—ему нечего было дѣлать съ краткостью,—а ради того, что по ней можно было весь вѣкъ маршировать и ни до чего не домаршироваться. Прямолинейность, словно корень вяза, засѣла въ его скорбной головѣ и пустила тамъ цѣлую сѣть корней и развѣтвленій. Это былъ какой-то таинственный лѣсъ, преисполненный дикихъ сновидѣній и бредовыхъ идей. Аракчеевъ составилъ въ своей головѣ цѣлый системати-

ческій бредъ. въ которомъ до послѣдней мелочи были предусмотрѣны всѣ подробности будущаго устройства злосчастныхъ военныхъ поселеній. Аракчеевъ собирался превратить всю Россію въ систему военныхъ поселеній, избравъ для опытовъ только шесть упомянутыхъ выше губерній. Вотъ общая схема того бреда, на основаніи котораго ему представлялось образцовое военное поселеніе.

Посрединѣ — площадь, отъ которой радіусами разбѣгаются во всѣ стороны улицы или, какъ онъ ихъ, называлъ, роты. Кругомъ города — земляной валъ. Ни рѣки, ни ручья, ни оврага, ни пригорка — ничего, что могло бы мѣшать маршировкѣ Аракчеевъ не предусматривалъ. Каждая улица-рота имѣетъ 6 саж. ширины, каждый домъ — 3 окна; всѣ дома окрашены въ свѣтло-сѣрую краску. Въ каждомъ домѣ живутъ: 2 старика, двое взрослыхъ, двое подростковъ и двое малолѣтковъ. Въ каждомъ домѣ находится по экземпляру полезнаго животнаго мужскаго и женскаго пола. Присутственныя мѣста называются штабами, а служащіе въ нихъ писарями. Всѣ работы производятся по командѣ и повзводно расходятся по домамъ. Всѣ живутъ каждую минуту вмѣстѣ, и всякій чувствуетъ себя одинокимъ. Жизнь не на мгновенье не отвлекается отъ исполненія обязанностей, изъ которыхъ каждая разсчитана заранѣе. Женщины имѣютъ право рожать дѣтей только зимой, такъ какъ нарушеніе этого правила вноситъ безпо-

рядокъ въ полевыя работы. Въ каждомъ домѣ вывѣшены были правила и росписаніе (по часамъ) повседневной жизни поселенцевъ, хотя послѣдніе почти поголовно были безграмотны. Брачные союзы между молодыми людьми устраивались не иначе, какъ сообразно росту и тѣлосложенію, такъ какъ это удовлетворяетъ требованіямъ правильнаго и красиваго фронта.

За малѣйшее нарушеніе правилъ, предусматривавшихъ всѣ мелочи жизни поселенцевъ, послѣднимъ угрожало тѣлесное наказаніе розгами и шпицрутенами (длинными толстыми прутьями),—никакихъ иныхъ способовъ воздѣйствія на умы Аракчеевъ не только не допускалъ, но даже и не понималъ ихъ существованія. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, ввидахъ осуществленія дикаго систематическаго бреда Аракчеева, истреблялись цѣлые лѣса для изготовленія «березовой каши», безъ которой не могли обходиться власть имущіе до второй половины XIX вѣка, когда идеалы декабристовъ начали переходить постепенно въ дѣйствительность.

Вся эта аракчеевская затѣя кончилась, какъ извѣстно, кровавымъ и дикимъ бунтомъ военныхъ поселянъ, во время котораго злоба и месть крестьянъ и солдатъ приняли самыя ужасающія формы; озвѣрѣвшіе бунтовщики рѣзали, безчеловѣчно мучили и сажали на колъ своихъ начальниковъ, отъ которыхъ они не научились гуманности.

Можно себѣ представить во что превратился-бы этотъ дикій бунтъ, если-бы военныя поселенія покрыли всю Россію, какъ о томъ мечталъ Аракчеевъ. Въ самомъ началѣ устройства военныхъ поселеній въ Чугуевѣ началось сопротивленіе поселянъ. Генералъ Коробкинъ громилъ ворвавшую толпу картечью. Генералъ Лисаневичъ употреблялъ, напротивъ, кроткія мѣры. Аракчеевъ самъ прискакалъ на курьерскихъ изъ Петербурга, но, однако, не доѣхалъ до Чугуева, а изъ Харькова послалъ фельдъегеря къ Лисаневичу съ предписаніемъ усмирить бунтъ до его пріѣзда самыми рѣшительными мѣрами. Кстати замѣтимъ, что, по словамъ историка генерала Шильдера, Аракчеевъ, дослужившійся до чина полнаго генерала и сопровождавшій Александра I во всѣхъ его военныхъ походахъ, ни разу, однако, не участвовалъ ни въ одномъ сраженіи и систематически, подъ разными предлогами, оставался вдали отъ полей сраженія.

— Я вамъ покажу, какъ слѣдовало-бы дѣйствовать! — сказалъ Аракчеевъ по пріѣздѣ на мѣсто, гдѣ Лисаневичъ уже смирилъ недовольныхъ.

Въ селеніи собраны были всѣ зачинщики и вліятельныя лица изъ числа недовольныхъ, а чтобы приведенные для усмиренія крестьянъ солдаты, не могли столковаться между собой, солдаты были расположены въ 20 верстахъ отъ военнаго поселенія. Аракчеевъ самъ допраши-

валъослушниковъ, недовольныхъ тѣмъ, что у нихъ отняли ихъ прежніе поля и луга, которые и заставляютъ косить и убирать для солдатъ. Въ числѣ зачинщиковъ оказались шесть отставныхъ унтеръ-офицеровъ, украшенныхъ цѣлымъ рядомъ медалей и орденовъ за суворовскіе походы. Аракчеевъ угрожалъ прогнать ихъ сквозь строй.

— Ваше превосходительство!—сказалъ георгіевскій кавалеръ Чернявскій. Мы стояли подъ пушками турокъ и двадесять языковъ и не боялись смерти. Не побоимся ее и теперь за правое дѣло.

Всѣ присутствовавшіе были поражены спокойнымъ достоинствомъ ветерана, совершенно непонятнымъ Аракчееву, который приказалъ прогнать его сквозь строй. Послѣ каждой тысячи палокъ, Аракчеевъ спрашивалъ:

— Покоряешься-ли?

Отвѣты были отрицательные.

Пятеро изъ шести георгіевскихъ кавалеровъ умерли подъ ударами. Шестой, Чернявскій, вынесъ 10.000 палочныхъ ударовъ, замертво отвезенъ въ больницу въ Балаклею, гдѣ и умеръ черезъ нѣсколько дней, не испустивъ ни одного стона. Такая медленная и ужасная смертная казнь шести ветерановъ усмирила военное поселеніе.

VII.

Аракчеевскій режимъ не ограничился только крестьянскимъ слоемъ населенія; онъ задѣвалъ

всѣ элементы общества, употребляя одни и тѣ-же пріемы въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ жизни.

Если мы отъ быта военныхъ поселеній перейдемъ къ жизни образованныхъ словъ общества 100 лѣтъ тому назадъ, напр., къ положенію университетовъ того времени, то мы встрѣтимъ много сходнаго съ общими пріемами аракчеевской внутренной политики. Аракчеевъ и подвластная ему администрація пользовалась мистическими наклонностями Александра, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудіе реакціи. Объявляется война свѣтскому знанію и образованію, начинается походъ противъ самого существованія высшихъ учебныхъ заведеній. Ярким представителемъ этого направленія является попечитель казанскаго учебнаго округа Магницкій. Онъ отвергалъ всю свѣтскую науку во имя своего аскетическаго фанатизма и пересыпалъ свои оффиціальныя рѣчи и выступленія текстами изъ священнаго писанія. Въ личной-же своей жизни Магницкій былъ самый разнузданный эпикуреецъ. Догъ Сперанскаго, у котораго онъ началъ свою карьеру, пишетъ про него: «Все смѣется тамъ, гдѣ онъ забавляетъ общество; этотъ шалунъ и острякъ пользуется неотразимымъ успѣхомъ у дамъ».

Будучи губернаторомъ въ Симбирскѣ, Магницкій началъ было усиленную борьбу съ помѣщиками за жестокое ихъ обращеніе съ крестьянами, думая этимъ обратить на себя вни-

маніе Государя, о гуманныхъ идеяхъ котораго въ то время всѣмъ было извѣстно. Но борьбу съ рабовладѣніемъ онъ скоро перемѣнилъ на борьбу съ просвѣщеніемъ и подалъ въ главное управленіе по дѣламъ училищъ проектъ о повсемѣстномъ истребленіи книгъ. За этотъ чисто щедринскій проектъ Магницкаго въ скоромъ времени назначили попечителемъ казанскаго учебнаго округа. Тамошній университетъ онъ обратилъ въ монастырское общежитіе. Каждая бумага, выходившая изъ канцеляріи университета, даже объ отпускѣ дровъ или покупкѣ мыла въ прачешную, непремѣнно начиналась фразой: «Во имя святой, животворящей, единой и нераздѣльной Троицы». Передъ каждой лекціей студенты читали молитву. За каждую мелкую провинность студента объявляли грѣшникомъ, одѣвали въ крестьянскій армякъ, лапти и сажали въ карцеръ, въ которомъ висѣло распятіе и картина страшнаго Суда. Во время сидѣнія провинившагося студента въ карцерѣ, всѣ его товарищи и всѣ профессора собирались ежедневно на молитву о спасеніи его души.

Университетское преподаваніе получило при Магницкомъ характеръ грубаго издѣвательства надъ наукой. Каждый профессоръ долженъ былъ прежде всего убѣждать своихъ слушателей въ полной бездоказательности и ненужности той науки, которую онъ собирался преподавать. Науки, по уставу Магницкаго, дѣлились на положительныя и мечтательныя. Къ первымъ отно-

сялись благословія, ко вторымъ—всѣ остальныя. Надъ каѳедрой медицины крупными буквами было написано: «Врачу, исцѣлись самъ». Надъ каѳедрой философіи стояла надпись изъ посланія апостола Павла: «Блюдитеся, да никтоже васъ прельститъ философіей». Даже профессоръ математики долженъ былъ объяснять теоремы и математическіе формулы съ религіозной точки зрѣнія.

Крайне интересенъ учебный планъ университетскаго преподаванія, составленный и введенный въ дѣйствіе Магницкимъ, великолѣпно рисующій цѣлую эпоху. Приводимъ нѣсколько краткихъ выдержекъ изъ него. Основаніемъ курса философіи должны служить послалія апостола Павла, а отъ Гоббса и Макіавелли надо отворачиваться съ отвращеніемъ. Русская исторія являетъ собой примѣръ превосходства надъ другими странами въ отношеніи къ цѣлесообразной постановкѣ просвѣщенія по духовному завѣщанію Владиміра Мономаха. Профессоръ физики долженъ былъ говорить объ ограниченности нашихъ чувствъ для познанія естественныхъ наукъ.

Въ лекціяхъ по словесности на первомъ планѣ стоитъ Библія, какъ литературный образецъ. И нѣкоторые отрывки изъ Ломоносова, Державина и Хераскова. Профессоръ математики обязанъ учить, что въ математикѣ содержится пособіе къ познанію священныхъ истинъ христіанской вѣры; напр., какъ числа безъ единицы

быть не можетъ, такъ и народы безъ единаго владыки не могутъ существовать. Въ геометріи учили, что треугольникъ служитъ основаніемъ геометрическихъ изслѣдованій, и святая церковь издревле употребляла треугольникъ, какъ одинъ изъ своихъ символовъ. «Воззримъ на гипотенузу—предлагалось говорить профессору математики—яко сіе есть символъ единенія земного съ небеснымъ». Профессоръ политической экономіи говорилъ, что не нужно заботиться о томъ, что ѣсть и во что одѣться: «не собирайте сокровищъ на землѣ». Профессоръ анатоміи въ началѣ курса говорилъ, что полезно изучать средства облегченія болѣзней, но спѣшилъ при этомъ прибавить, что препарированіе труповъ является торжественнымъ издѣвательствомъ надъ прахомъ умершаго. Каждый актъ въ университетѣ кончался воздаяніемъ хвалы Магницкому, котораго называли «мужемъ великихъ силъ, ниспосланнымъ Богомъ для истребленія русскаго нечестія».

Александръ I 13-го іюля 1819 года сообщилъ своему брату Николаю и его женѣ о своемъ намѣреніи отказаться отъ престола, причемъ добавилъ, что и наслѣдникъ Константинъ Павловичъ рѣшительно отказывается также отъ престола. Такимъ образомъ Николай еще за 6 лѣтъ до 14 декабря 1825 года зналъ, что ему придется царствовать послѣ кончины Александра I.

Причины отказа Константина заключаются въ несчастію сложившейся его семейной жизни.

Его первая жена не могла съ нимъ ужиться и по смерти Павла I навсегда уѣхала изъ Россіи. Константинъ сталъ хлопотать о разводѣ для вступленія во второй бракъ, но на это не соглашалась вдовствующая императрица. И только особымъ манифестомъ 20-го марта 1820 г. бракъ Константина былъ расторгнутъ, и онъ получилъ право жениться вторично съ условіемъ отказаться отъ престола. Кромѣ того, въ манифестѣ сказано категорично: «Лицо императорской фамиліи, вступившее въ бракъ съ лицомъ, непринадлежащимъ къ царствующему или владѣтельному дому, не передаетъ другому правъ императорской фамиліи и дѣти отъ такого брака не имѣютъ правъ на наслѣдованіе престола».

Вслѣдъ за манифестомъ Константинъ женился на княгинѣ Ловичъ, урожденной графинѣ Грудзинской; 14-го января 1822 года свое вынужденное отреченіе онъ закрѣпилъ въ формѣ письма къ Государю, который 22-го февраля того-же года въ особомъ рескриптѣ выразилъ согласіе на отреченіе Константина. Но величайшая бѣда состояла въ томъ, что все вышеуказанное было совершено хотя и оффиціально, но негласно, въ тайнѣ. Александръ I велѣлъ митрополиту московскому Филарету приготовить манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола Николая Павловича; подписанный манифестъ, вмѣстѣ съ отреченіемъ Константина были переданы Филарету съ такою надписью царя: «Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными акта-

ми до востребованія, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другого дѣйствія». Копіи съ манифеста были сданы на храненіе въ Сенатъ, Синодъ и Государственный Совѣтъ. Кромѣ царской семьи въ эту тайну были посвящены: Филаретъ, Аракчеевъ, кн. Голицынъ, супруги Карамзины и принцъ Вильгельмъ. Знали объ этомъ и иностранные посланники, а въ прусскомъ придворномъ календарѣ на 1825 г. было напечатано, что наслѣдникъ русскаго престола — Николай Павловичъ «по условію, заключенному при женитьбѣ Константина».

Всѣ знавшіе о существованіи завѣщанія Александра и о новомъ актѣ престолонаслѣдія обращали вниманіе императора на опасность необнародованія этихъ документовъ для спокойствія Россіи, но онъ возражалъ на это: «Надо положиться на Бога, — Онъ устроитъ все лучше насъ, смертныхъ».

19-го ноября 1825 г. Александръ умеръ въ Таганрогѣ, не сказавъ ни слова никому изъ окружавшихъ его лицъ о существованіи акта, которымъ наслѣдникомъ престола назначенъ былъ Николай. Крупная ошибка была сдѣлана. Ничѣмъ не мотивированная и никому не нужная тайна была причиной всѣхъ послѣдующихъ событій.

По полученіи извѣстія о смерти Государя,

первымъ присягнувшимъ новому императору Константину былъ Николай Павловичъ, отлично знавшій, что старшій братъ его отрекся отъ престола; на этотъ важный шагъ, имѣвшій самыя пагубныя послѣдствія, онъ согласился, повидимому, подъ давленіемъ петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, который такими словами мотивировалъ Николаю Павловичу необходимость присягнуть Константину Павловичу:

— «Вы сами изволите знать, что васъ не любятъ».

27-го ноября, въ экстренномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта, министръ кн. Голицынъ сообщилъ всѣмъ присутствовавшимъ о существованіи завѣщанія Александра I, копія съ котораго въ видѣ таинственнаго пакета хранилась въ Совѣтѣ. Во время поднявшихся споровъ о томъ, слѣдуетъ-ли немедленно ознакомиться съ манифестомъ о престолонаслѣдіи, министръ юстиціи Лобановъ-Ростовскій сказалъ: «мертвые воли не имѣютъ»,—фраза вполнѣ безсмысленная, такъ какъ Александръ I, писавшій свой манифестъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ не мертвый, а живой. Таинственный пакетъ, однако, вскрыли и прочли, послѣ чего упрямый Милорадовичъ заявилъ, что теперь говорить объ отреченіи Константина уже поздно, такъ какъ самъ Николай Павловичъ уже присягнулъ императору Константину, отказавшись такимъ образомъ отъ правъ на престолъ, данныхъ ему

манифестомъ. Стало быть графъ Милорадовичъ предложилъ Государственному Совѣту скрыть волю покойнаго императора и его завѣщаніе, зная прекрасно, что такихъ важныхъ вещей скрыть нельзя, тѣмъ болѣе, что тайна была давно извѣстна очень многимъ лицамъ.

И вотъ весь составъ Государственнаго Совѣта, по предложенію Милорадовича, отправился къ Николаю Павловичу въ Зимній дворецъ съ просьбой узнать его мнѣніе по вопросу, что дѣлать. Николай Павловичъ категорически заявилъ пришедшимъ, что онъ знакомъ съ содержаніемъ акта о престолонаслѣдіи уже болѣе шести лѣтъ.

— Господа! Я васъ прошу, я васъ убѣждаю, для спокойствія государства, немедленно, по примѣру моему и войска, принять присягу на вѣрное подданство Государю Императору Константину Павловичу. Я никакого другого предложенія не приму, ничего другого и слушать не стану.

Послѣ такого рѣшительнаго заявленія Государственный Совѣтъ и Сенатъ присягнули заблаговременно для нихъ отрекшемуся отъ престола Константину, послѣ чего по всей Россіи разосланъ былъ указъ о принятіи присяги Константину. Въ окнахъ столичныхъ магазиновъ продавались портреты императора Константина I, императора и самодержца всероссійскаго, сходство котораго съ Павломъ I обращало на себя общее вниманіе. «Между искренними не было недостатка въ

сарказмахъ», говоритъ въ своихъ запискахъ одинъ современникъ.

Такъ какъ Константинъ I былъ въ Варшавѣ, то сочли почему-то нужнымъ ввести публику въ заблужденіе особыми плакатами, въ которыхъ сообщалось, что его величество вскорѣ прибудетъ въ столицу, что великій князь Михаилъ Павловичъ выѣхалъ уже ему навстрѣчу. Ничего подобнаго, однако, въ дѣйствительности не было, и когда объ этомъ узнали, то, конечно, эта оффиціальная неправда возбудила самые невѣроятные толки жителей Петербурга.

Въ Зимнемъ дворцѣ чувствовали себя нехорошо. Всѣ письма изъ Варшавы вскрывались на почтѣ, чтобы узнать хотя изъ частной переписки о томъ, что дѣлается въ Варшавѣ, куда своевременно посланъ былъ курьеръ съ присягой Николая Павловича, Сената, Совѣта и войскъ петербургскаго гарнизона. Солдаты не выпускались изъ казармъ никуда; кромѣ того, приказано было не допускать между ними никакихъ разговоровъ. Николай Павловичъ отдалъ приказъ полковникамъ и батальоннымъ командирамъ подготовить солдатъ къ возможности новой присяги, когда получится отказъ Константина, за что всѣмъ командирамъ обѣщаны награды, въ видѣ генералъ-адъютантства и флигель-адъютантства.

Изъ провинціи стали поступать сообщенія о принесеніи присяги Константину I. Въ Москвѣ митрополитъ Филаретъ, давно знавшій содержаніе таинственнаго пакета въ Успенскомъ со-

борѣ, рѣшилъ не признавать волй Александра I и отказался вскрыть пакетъ, согласно надписи на немъ покойнаго императора.

Въ Варшавѣ, куда 19-го ноября 1825 года было Дибичемъ послано извѣщеніе о кончинѣ императора, послѣднее получили 25 ноября. Прочитавши рапортъ Дибича, Константинъ сказалъ Михаилу Павловичу:

— Теперь моя воля отречься отъ престола болѣе чѣмъ когда-либо непреложна.

Когда въ разговорѣ многіе стали обращаться къ нему со словами: «Ваше Величество!» то онъ рѣзко протестовалъ противъ этого и тотчасъ категорически запретилъ всѣмъ титуловать его, какъ царя. 26-го ноября Константинъ отправилъ съ братомъ Михаиломъ въ Петербургъ письма къ матери и Николаю Павловичу, въ которыхъ сообщалъ, что, согласно рескрипта отъ 22-го февраля 1822 года, онъ уступаетъ свои права на царство Николаю. Только недѣлю спустя послѣ этого Константинъ получилъ отъ Николая Павловича первое извѣстіе о томъ, что въ Петербургѣ ему, Константину, уже всѣ присягнули и что указъ о повсемѣстной присягѣ ему разосланъ уже по всей Россіи.

Тогда Константинъ увидѣлъ, что онъ совершенно свободно могъ сдѣлаться императоромъ: обѣ столицы, войска, Сенатъ, Государственный Совѣтъ и вся Россія ему уже присягнули на вѣрность, его отреченіе осталось необъявленнымъ публично... Сообразивъ все это, по полу-

ченія письма Николая Павловича, Константинъ пришелъ въ ярость оттого, что онъ упустилъ такой удобный моментъ для возстановленія своихъ правъ на царство. Подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія и понятной досады, Константинъ отвѣтилъ брату Николаю и предсѣдателю Государственнаго Совѣта Лопухину, что онъ отказывается отъ престола.

Только 3-го декабря въ Петербургъ пріѣхалъ отъ Константина первый посланный, великій князь Михаилъ; но этотъ съ нетерпѣніемъ ожидавшійся пріѣздъ нисколько не успокоилъ Николая Павловича, такъ какъ Константинъ все-таки не прислалъ формальнаго акта объ отреченіи и послѣ принесенной ему повсемѣстно присяги. Николай не имѣлъ полной увѣренности въ безповоротномъ рѣшеніи брата объ отреченіи. Рѣшили ждать полученія отъ него окончательнаго отвѣта. Послали въ Варшаву новыхъ гонцовъ. 9-го декабря пріѣхалъ курьеръ, привезшій Николаю и Лопухину отвѣты Константина на извѣщеніе его о присягѣ ему въ Петербургѣ. но формальнаго отреченія все-таки у Николая не было. Положеніе въ Петербургѣ продолжало быть крайне неопредѣленнымъ и тревожнымъ. Создалось неслыханное междуцарствіе при двухъ императорахъ. Николай присягнулъ Константину, а Константинъ отрекся отъ престола въ пользу Николая, но формально объ этомъ заявить не хотѣлъ.

Неопредѣленность положенія разрѣшилась толь-

ко 14-го декабря, на 24-й день послѣ кончины императора Александра I. Такъ какъ новый императоръ не являлся въ Петербургъ, несмотря на плакаты о его скоромъ прибытіи, то въ управленіи государствомъ стали создаваться затрудненія. Ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ и въ поминѣ не было. Гдѣ находился новый царь — никто не зналъ, кромѣ высшихъ сферъ. Положеніе Николая Павловича было весьма затруднительное, такъ какъ ему ничего не оставалось, какъ превратиться во временно исправляющаго должность императора: онъ получалъ и распечатывалъ всѣ бумаги, приходившія на имя царя, дѣлалъ по нимъ неотложныя распоряженія, но нигдѣ не писалъ обычнаго «быть по сему, Николай», не показывался нигдѣ и даже не выѣзжалъ изъ предосторожности ни на шагъ изъ дворца. Все предоставлено было случаю.

VIII.

12-го декабря политическое положеніе совершенно неожиданно осложнилось самымъ серьезнымъ образомъ: съ юга было получено донесеніе Дибича о существованіи тайнаго общества, о чемъ фельдмаршалъ узналъ при разборѣ бумагъ покойнаго императора. Александръ I зналъ о существованіи тайныхъ обществъ еще въ 1820 году и тогда-же издалъ указъ о ихъ повсемѣстномъ закрытіи. Всѣ они, дѣйствительно, прекратили свое существованіе въ 1821 г., кромѣ «Союза Благоденствія». Впослѣдствіи Александръ

і получалъ донесенія объ этомъ послѣднемъ обществѣ, но никакихъ распоряженій по этому поводу не дѣлалъ. Не обратилъ онъ также вниманія и на полученные имъ доносы Шервуда, Майбороды и Витта.

Къ чести тайнаго общества должно сказать, что впродолженіи цѣлаго ряда лѣтъ въ немъ не нашлось ни одного предателя. Подозрительному правительству удалось, однако, ввести въ него своихъ шпіоновъ или, какъ тогда ихъ называли, лазутчиковъ, которые вкрались въ довѣріе двухъ неосторожныхъ членовъ и многое узнали отъ нихъ. По словамъ декабриста фонъ-Визина, статскій совѣтникъ Боинякъ былъ агентомъ гр. Витта. Другимъ лазутчикомъ былъ юнкеръ бутскаго уланскаго полка Шервудъ, къ фамиліи котораго, по повелѣнію императора Николая, была дана прибавка «Вѣрный» («Исповѣдь Шервуда-Вѣрнаго» 1896 г.); онъ дѣйствовалъ какъ добровольцъ. О третьемъ доносчикѣ, казначеѣ вятскаго полка Майбородѣ, декабристъ кн. Волконскій сообщаетъ слѣдующее. Разсказавши въ своихъ «записках», какъ, служа въ полку, которымъ командовалъ Пестель, Майборода притворялся сочувствующимъ освободительному движенію и тѣмъ пріобрѣлъ довѣріе своего полковаго командира, а затѣмъ попался къ уголовному преступленію, Волконскій пишетъ: «поставленный по этому дѣлу въ безвыходное положеніе, чтобы спастись отъ отвѣтственности, Майборода, какъ подлая душа, рѣшился погубить

другихъ высказываніемъ существованія тайнаго общества, лицъ составлявшихъ оное, и цѣлей Общества, о чемъ онъ, по довѣрію Пестеля къ нему, имѣлъ полныя данныя».

Только послѣ смерти государя Дибичъ изъ его бумагъ неожиданно убѣдился о наличности серьезнаго заговора противъ существовавшаго государственнаго строя. Помимо донесенія Николаю Павловичу, онъ принялъ немедленно мѣры къ непосредственному противодѣйствію замысламъ тайнаго общества.

«Союзъ Благоденствія былъ созданъ по образцу нѣмецкаго «Тугендбунда» (Союзъ Добродѣтели), а уставъ его (Зеленая книга) скопированъ съ устава этого послѣдняго, только съ нѣкоторыми характерными измѣненіями. Напримѣръ, въ нѣмецкомъ оригинальномъ уставѣ былъ параграфъ, по которому всѣ его члены обязывались освободить своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, въ русскомъ же уставѣ онъ пропущенъ. Во всемъ остальномъ «Союзъ Благоденствія» представлялъ точную копію «Тугендбунда», являясь широкой общественной организаціей, которая стремилась открыто къ поднятію культурно-политическаго уровня страны. «Союзъ» дѣлялся на слѣдующія секціи: 1) секцію распространенія въ обществѣ полезныхъ сочиненій по вопросамъ политическимъ и политико-экономическимъ, оригинальныхъ и переводныхъ; 2) секцію филантропическую; 3) секцію распространенія просвѣщенія въ народѣ; 4) секцію про-

веденія въ чиновники правительственныхъ учрежденій лицъ, одушевленныхъ идеями «Союза», чтобы личнымъ примѣромъ показывать, какъ надо служить благу родины.

Одно время «Союзъ» разсчитывалъ привлечь въ свои члены императора Александра I, такъ какъ члены его не думали дѣйствовать конспиративно, но потомъ эта мысль была оставлена, какъ невозможная при тогдашнихъ условіяхъ аракчеевской русской дѣйствительности. Нельзя было надѣяться, напримѣръ, распространять просвѣщеніе при такихъ попечителяхъ учебныхъ округовъ, какъ Магницій и Руничъ, изъ которыхъ первый представилъ правительству проектъ уничтоженія Казанскаго университета.

Вмѣсто закрывшагося «Союза Благоденствія» образовалось два новыхъ тайныхъ общества: «Сѣверное» въ Петербургѣ и «Южное» на Югѣ Россіи въ предѣлахъ расположенія южной арміи. Оба они просуществовали вплоть до 14-го декабря 1825 г., значительно отличаясь между собою не только по личному составу, но и по идейнымъ стремленіямъ. Въ главѣ «Сѣвернаго Общества» стояли Никита Муравьевъ и кн. Трубецкой, а впослѣдствіи къ нимъ присоединился поэтъ Рылѣевъ. Главнымъ руководителемъ «Южнаго Общества» явился Пестель. Сѣверное и Южное общества, какъ политическія организаціи, дѣйствовали очень вяло, и возможность дѣйствительной борьбы представлялась большинству ихъ членовъ весьма отдаленною. Это и бы-

по слабой стороной обѣихъ тайныхъ обществъ. Южное общество, впрочемъ, разыскало на югѣ Россіи тайное «Общество объединенныхъ славянъ», организованное братьями Борисовыми; оно руководилось демократическими идеалами, включивъ въ свою программу стремленіе къ объединенію всѣхъ славянскихъ странъ на демократическихъ началахъ. Это общество, по словамъ члена его Горбачевскаго, имѣло цѣлью освобожденіе всѣхъ славянъ отъ самовластія, уничтоженіе существующей между ними ненависти и соединеніе всѣхъ славянскихъ странъ въ одну федерацію. Предполагалось ввести у всѣхъ славянъ форму демократическаго представительнаго правленія. Славянскій союзъ отъ одного оружія ждалъ исполненія своихъ желаній. Мысль, что свобода покупается не слезами, не золотомъ, но кровью, была вкоренена въ ихъ сердцахъ, а слова знаменитаго республиканца, что «обнаженный мечъ должны отбросить ножны сколь возможно далѣе», были руководящимъ принципомъ ихъ поведенія.

Общество Соединенныхъ Славянъ, при посредствѣ Бестужева-Рюмина, присоединилось къ Южному Обществу, во главѣ котораго стоялъ Пестель.

Южное и Сѣверное тайныя общества, медленно формируясь, оставались совершенно неподготовленными къ открытому выступленію, когда совокупность тогдашнихъ событій сдѣлало это выступленіе необходимымъ. Когда Александръ I

получить доносы Майбороды и Шервуда въ Таганрогѣ, то сказалъ: «не мнѣ ихъ карать», какъ бы сознаваясь въ томъ, что толчокъ къ движенію политической мысли въ Россіи данъ былъ имъ самимъ попытками преобразованій и платоническимъ обѣщаніемъ «ограничить продолжительность нашего правленія»; эта знаменитая фраза была сказана императоромъ при открытіи сейма въ Варшавѣ, когда онъ торжественно заявилъ о своемъ намѣреніи ввести конституцію въ Россіи. А можетъ быть, Александръ вспомнилъ при этомъ всѣ печальныя обстоятельства своего восшествія на престолъ: онъ, вѣдь, зналъ о замыслахъ Палена и другихъ заговорщиковъ противъ Павла I.

IX.

Какъ только скончался Александръ I въ Таганрогѣ, Дибичъ, разбирая бумаги въ его кабинетѣ, нашелъ вышеупомянутые доносы Майбороды, Витта и Шервуда, указывавшіе на широко развѣтвленныя тайныя общества. Кромѣ донесенія въ Петербургъ, Дибичъ по собственной инициативѣ распорядился немедленно арестовать наиболѣе важныхъ, по его мнѣнію, инициаторовъ подготовлявшагося возстанія. Аресты начались прежде всего на югѣ, ибо только что упомянутая троица знала о заговорѣ Южнаго Общества. Сѣверное-же общество, въ связи съ замѣшательствомъ и общею растерянностью въ Петербургѣ по вопросу о томъ, кто будетъ императоромъ, должно было немедленно рѣшиться

на открытое выступленіе, тѣмъ болѣе, что и въ Петербургѣ послѣдовалъ доносъ Николаю Павловичу о замыслахъ Сѣвернаго Общества со стороны юнаго поручика Якова Ростовцева. Этотъ будущій предсѣдатель редакціонныхъ комиссій и одинъ изъ дѣятелей освобожденія крестьянъ 19-го февраля 1861 года былъ знакомъ со многими изъ декабристовъ.

Я. И. Ростовцевъ не былъ предателемъ-доносчикомъ, подобно вышеупомянутымъ тремъ господамъ: на собраніи у Рылѣева онъ предупредилъ членовъ Сѣвернаго Общества, что считаетъ нужнымъ сообщить правительству о тайномъ заговорѣ, такъ какъ видитъ, что это ведетъ къ гибельнымъ для государства результатамъ; онъ даже отказался, какъ того требовалъ Николай Павловичъ, сообщить имена и фамиліи заговорщиковъ и самъ отнесъ во дворецъ свое письмо.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что, по словамъ Никитенки въ его «Дневникѣ», Я. И. Ростовцевъ, оказавшій впослѣдствіи крупныя услуги дѣлу освобожденія крестьянъ въ либеральную эпоху царствованія Александра II, подавалъ въ 1849 г. Николаю Павловичу проектъ о совершенномъ закрытіи университетовъ и всѣхъ вообще высшихъ учебныхъ заведеній, вмѣсто которыхъ предполагалось учредить въ Петербургѣ и въ Москвѣ два большихъ кадетскихъ корпуса для дворянъ.

Петербургское правительство, по обыкновенію, не имѣло никакого понятія о готовящемся воз-

станія. Неосвѣдомленность правительства видна изъ того, что тогдашній столичный генералъ-губернаторъ, графъ Милорадовичъ, все утро 14-го декабря 1825 г. провелъ на завтракѣ у директора императорскихъ театровъ и прямо изъ-за стола былъ вызванъ на Сенатскую площадь.

О настроеніи вел. кн. Николая можно судить по слѣдующему.

12-го декабря Николай Павловичъ получилъ упомянутое выше донесеніе Дибича о Южномъ Обществѣ, и въ тотъ-же день подпоручикъ Ростовцевъ вручилъ ему во дворцѣ свое письмо о Сѣверномъ Обществѣ. Въ тотъ-же день, вечеромъ, Николай въ своемъ отвѣтѣ Дибичу писалъ: «Рѣшительный курьеръ воротился, послѣзавтра поутру я—или государь, или безъ дыханія. Я жертвую собою для брата, счастливъ, если, какъ подданный, исполню волю его. Но что будетъ въ Россіи? Что будетъ въ арміи? Генералъ Толь здѣсь, и я его пошлю въ Могилевъ съ симъ извѣстіемъ къ графу Сакену и ищу довѣреннаго для такого-же назначенія въ Тульчинъ и къ Ермолову. Словомъ, надѣюсь быть достойнымъ своего званія не съ боязнью или недовѣрчивостью, но съ надеждою, что какъ я самъ исполнилъ свой долгъ, такъ и всѣ оный передо мною исполнятъ».

Все въ тотъ же день Сперанскій изготовилъ манифестъ о восшествіи Николая на престолъ (хотя онъ и называетъ себя въ письмѣ къ Дибичу «подданнымъ» имп. Константина). 13-го де-

кабря этотъ манифестъ былъ подписанъ, а обнародованіе его и присяга Николаю были назначены на другой день. Весь день 13-го числа жители Петербурга провели очень тревожно. При встрѣчахъ, вмѣсто привѣтствія, знакомые говорили: «Ну, что будетъ завтра?» Всѣхъ пугала неопредѣленность положенія, хотя многіе догадывались и даже знали, что 14-е декабря не обойдется безъ возсталія. И дѣйствительно, члены Сѣвернаго Общества почти открыто устраивали многолюдныя собранія, на которыхъ рѣшено было день присяги использовать для цѣлей Общества.

Послѣ первыхъ-же извѣстій о болѣзни Александра I въ средѣ членовъ Сѣвернаго Общества наступило замѣтное оживленіе. Мечты о революціонномъ переворотѣ вдохнули новую жизнь въ ихъ организацію, хотя присяга Константину прошла во всѣхъ войскахъ совершенно спокойно. Извѣстіе о его отреченіи вызвало смутные толки въ военныхъ сферахъ; всѣ полагали, что «трудно будетъ увѣрить солдатъ въ отреченіи Константина, да и народъ не пойметъ, стало быть, и не повѣритъ этому».

Вся гвардія и петербургское общество относились враждебно къ Николаю Павловичу, и перспектива его воцаренія никому не улыбалась. Военные боялись, что на престолѣ окажется полковникъ, одержимый страстью къ фронту во вкусѣ Петра III и Павла I, и неподготовленный къ управленію государствомъ.

О настроеніи петербургскаго общества наканунѣ возстанія можно судить по слѣдующему извлеченію изъ книги В. И. Семевскаго „12-го декабря у директора Россійско-Американской компаніи былъ званый обѣдъ, на которомъ присутствовали многіе литераторы, въ томъ числѣ Гречъ, Булгаринъ, Марлинскій, гр. Хвостовъ. Шумный разговоръ оживлялъ общество. Печальной памяти знаменитые друзья-доносчики Булгаринъ и Гречъ ораторствовали болѣе всѣхъ и въ самомъ либеральномъ духѣ. Даже графъ Хвостовъ, замѣтивъ, что всѣ указываютъ на него, кричалъ: «не опасайтесь, я самъ либералъ!» Когда кто-то сказалъ:

— А что если императоръ вдругъ явится!

— Какъ ему явиться? — возразилъ Булгаринъ. Тѣнь мадамъ Араужо остановитъ его на заставѣ.

Это была самая гнусная исторія, омрачавшая начало царствованія Александра I. Араужо былъ придворный ювелиръ, жена котораго славилась красотой. Лѣтомъ, 1803 г., подъ вечеръ, за нею пріѣхала карета, будто-бы отъ ея больной родственницы. Когда она сѣла въ карету, ей зажали ротъ и отвезли въ Мраморный дворецъ. Тамъ были приготовлены конногвардейцы... Несчастная женщина потомъ была отвезена къ своему крыльцу, и когда, на звонъ колокольчика, отворили входную дверь квартиры, то кареты уже и слѣдъ простылъ. Араужо была едва въ сознаніи, успѣла только крикнуть «я обезчеще-

на!» и умерла отъ разрыва сердца. На другой день весь Петербургъ узналъ объ этомъ, и поднялся общій ропотъ. Отъ имени государя, сильно взволнованнаго этой гнусной исторіей, по всему городу было расклеено на 24 часа объявленіе, приглашавшее «всѣхъ, кто знаетъ хотя малѣйшее обстоятельство изъ этого происшествія», прямо къ императору, съ увѣреніемъ обезпечить отъ всякаго преслѣдованія сильныхъ. Это объявленіе при столичныхъ вѣдомостяхъ разослано было по всей имперіи. «Дѣло повернули такъ, что по подозрѣнію генерала Боура, любимца Константина, исключили со службы. Ювелира выслали за границу, далъ ему денегъ, а Боура черезъ полтора года опять приняли на службу.

— Я никому не стану присягать до тѣхъ поръ, пока Константинъ не пріѣдетъ въ Петербургъ и самъ не объявитъ о своемъ отреченіи, говорилъ декабристъ Якубовичъ петербургскому генералъ-губернатору гр. Милорадовичу.

— Повѣрьте, вы не одни такъ думаете,— отвѣтилъ ему Милорадовичъ.

— Николай Павловичъ съ его умомъ и суровостью будетъ тѣмъ болѣе опасенъ, что его проницательность грозитъ гоненіями всѣмъ умнымъ и благонамѣреннымъ людямъ; онъ нанесетъ меткіе удары просвѣщенію. Участь наша будетъ рѣшена съ момента его восшествія, а потому, намъ все равно погибнуть сегодня или завтра.

— Вотъ до чего мы дожили, говорили въ Петербургѣ, что и императора Александра жалѣть должны!..

Настроеніе членовъ Сѣвернаго Общества рѣзко измѣнилось.

— Теперь, или никогда! — рѣшительно заявилъ Рылѣевъ.

На собраніи декабристовъ было постановлено, что если Константинъ останется царемъ, распустить тайное общество и въ теченіе двухъ лѣтъ заполнить всѣ выдающіяся должности въ гвардейскихъ полкахъ лицами, сочувствующими представительному образу правленія, для произведенія въ ближайшемъ будущемъ военнаго переворота. У Рылѣева начались ежедневныя собранія сочувствующихъ дѣлу возстанія. Однимъ изъ главнѣйшихъ вдохновителей декабрскаго движенія, несомнѣнно, явился Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ, бывшій, по словамъ Н. Бестужева, «источникомъ и главною пружиною всѣхъ дѣйствій Общества».

Рылѣевъ родился 18-го сентября 1795 г. въ маленькой деревушкѣ, въ 60 верстахъ отъ Петербурга. Отецъ его, захудалый дворянинъ, съ жестокимъ, деспотическимъ характеромъ, служилъ главнымъ управляющимъ у кн. С. Голицына.

Это грубое животное любило издѣваться надъ слабыми, жестоко колотилъ и запиралъ въ погребъ свою кроткую и беззащитную жену и маленькаго сына Кондратія. Въ первомъ кадет-

скомъ корпусѣ, гдѣ онъ учился, онъ началъ проявлять свой мужественный и благородный характеръ, не мирившійся ни съ чѣмъ, что ему казалось несправедливымъ. Къ школьному періоду его жизни относятся первые его шаги на поприщѣ поэзіи. За время своихъ заграничныхъ походовъ въ 1814—15 гг. Рылѣевъ побывалъ въ Швейцаріи, Румыніи и Франціи, и это время оставило глубокій слѣдъ на всемъ духовномъ складѣ молодого офицера. Съ 1820 г. началась его литературная дѣятельность, въ которой съ перваго же стихотворенія «Къ временщику» зазвучали гражданскіе мотивы. По тому времени эта сатира была неслыханною дерзостью, такъ какъ имѣла ввиду всесильнаго Аракчеева. Слишкомъ-ли вѣрно было изображеніе этого солдафона, такъ что Аракчеевъ не нашелъ возможнымъ узнать себя во временщикѣ, или просто онъ, отъ рода не читавшій ни одной книги, кромѣ воинскаго устава, не зналъ о стихотвореніи, напечатанномъ въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г., но только смѣлая выходка Рылѣева не только не имѣла для него дурныхъ послѣдствій, но даже, напротивъ, обратила на него вниманіе прогрессивной части общества, какъ на смѣлаго поэта-гражданина, одареннаго отъ природы крупнымъ талантомъ.

Приводимъ здѣсь это стихотвореніе.

Къ Временщику.

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,

Неистовый тиранъ родной страны своей,
Внесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь.
Твоимъ вниманьемъ недорожу, подлецъ!
Нетъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ.
Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобой уничиженьемъ!
Могу-ль унизиться твоимъ пренебреженьемъ,
Коль самъ съ презрѣньемъ я на тебя гляжу,
И гордъ, что чувствъ твоихъ къ себѣ не нахожу?
Что сей кимвальный звукъ твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и санъ твой величавый?
Ахъ, лучше скрыть себя въ безвѣстности простой,
Чѣмъ съ низкими страстями, съ подлою душой
Себя, для строгаго своихъ сограждан взора,
На судъ ихъ выставлять, какъ будто для позора!
Когда во мнѣ нѣтъ доблестей прямыхъ,
Что пользы въ санѣ мнѣ и въ почестяхъ моихъ?
Не санъ, не родъ—одни достоинства почтенны...
И самые цари безъ нихъ презрѣнны,
И въ Цицеронѣ мной не консулъ, самъ онъ чтимъ.
За то, что имъ спасенъ отъ Катилины Римъ.
О мужъ, достойный мужъ! Почто не можешь снова,

Родившись. сограждан спасти отъ рока злого?
Тиранъ. вострепещи! Родиться можетъ онъ!
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ!
Подъ лицемѣріемъ ты мыслишь, можетъ быть,
Отъ взора общаго причины зла укрыть...
Не зная о своемъ ужасномъ положеньи,
Ты заблуждаешься въ несчастномъ ослѣпленьи:
Какъ ни притворствуешь и какъ ни хитришь,
Но свойства злобныя души не утаишь:
Твои дѣла тебя изобличатъ народу,
Познаетъ онъ, что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты.
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты,
Тогда вострепещи, о временщикъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный!

Къ этому-же времени относится участіе Рылѣева въ масонской ложѣ «Пламенѣющей Звѣзды». Въ 1821 году онъ былъ избранъ дворянствомъ членомъ петербургской уголовной палаты, гдѣ познакомился съ товарищемъ по службѣ Пущинымъ, который и ввелъ Рылѣева въ скоромъ времени въ Сѣверное Общество. Стихотворенія его печатались охотно во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ и сборникахъ. Въ 1823 году Рылѣевъ вмѣстѣ со своимъ другомъ А. Бестужевымъ (Марлинскій) стали издавать альманахъ «Полярная Звѣзда», въ которомъ печатались произведенія лучшихъ писателей того времени. По словамъ А. Пыпина, въ этомъ альманахѣ обращали на себя общее вниманіе кри-

тическіе обзоры современной литературы другого декабриста Н. Бестужева. Интересно отмѣтить, что послѣдній въ своихъ критическихъ обзорахъ высказывалъ ту-же мысль, которая впослѣдствіи легла въ основу «Литературныхъ мечтаній» Бѣлинскаго,—что у насъ нѣтъ литературы. Успѣхъ этого Альманаха былъ по тому времени огромный: въ 1824 году 1500 экз. разошлись въ 3 недѣли. Рылѣевъ первый въ Россіи ввелъ опредѣленный гонораръ сотрудникамъ.

Въ 1826 году сборникъ Рылѣева, уже отпечатанный, былъ конфискованъ послѣ декабрьскихъ событій; случайно сохранившіеся листы этого альманаха («Звѣздочка») были перепечатаны въ 1883 году въ «Рус. Старинѣ».

У Рылѣева собирались нерѣдко литературные его друзья, причемъ бесѣда велась не на одни литературныя темы, но затрагивались и общественные вопросы. Здѣсь бывали не только братья Бестужевы, Корниловы, Кюхельбекеръ, Ѳ. Глинка, Сомовъ, Н. Муравьевъ, С. Трубецкой, Одоевскій, но и извѣстный впослѣдствіи своими доносами Ѳадей Булгаринъ, въ то время еще не обнаруживавшій своихъ блестящихъ полицейскихъ способностей на шпіонской службѣ, а также ученый другъ послѣдняго Гречъ, очернившій въ своихъ «Запискахъ» Рылѣева и вообще всѣхъ декабристовъ, за что и тогда хорошо платили.

Въ концѣ 1824 года Рылѣевъ былъ избранъ

членомъ Верховной Думы на мѣсто уѣхавшаго въ Кіевъ кн. Трубецкого, и съ этого времени онъ становится фактическимъ главой и руководителемъ Сѣвернаго Общества, своимъ энтузіазмомъ и энергіей сплотившимъ его членовъ. Стараясь увеличить составъ Общества, онъ привлекъ въ число его членовъ А. Бестужева, Каховскаго, Суттофа, Кожевникова, Одоевскаго, Торсона, Н. Бестужева, Панова, Кюхельбекера, Завалишина, Арбузова и др. Что касается его политической программы, то Рылѣевъ, подобно большинству другихъ декабристовъ, желалъ учрежденія постояннаго правленія съ выборными депутатами отъ народа, уравненія воинской повинности между всѣми сословіями, мѣстнаго самоуправленія, гласности суда, введенія суда присяжныхъ, свободы печати, уничтоженія монополій, отмѣны крѣпостного права, равенства всѣхъ гражданъ предъ судомъ; но ко всѣмъ этимъ вопросамъ онъ подходилъ со своей особой, демократической точки зрѣнія, которая все рѣзче и рѣзче выступала въ сравненіи съ мнѣніями его сотоварищей. Въ этомъ отношеніи интересны его замѣчанія на проектъ конституціи Никиты Муравьева, склоннаго къ аристократическимъ началамъ въ управленіи. Рылѣевъ съ негодованіемъ отвергалъ муравьевскій проектъ представительства богатыхъ людей. Въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ опять проглядываетъ его демократическая жилка; въ то время какъ иные стояли за личное освобожденіе безъ земли, а

Муравьевъ за надѣленіе ихъ домомъ и огородомъ. Рылѣевъ хотѣлъ полнаго освобожденія крестьянъ съ усадьбой, огородами и полевой землей.

Поступая въ члены тайнаго общества, Рылѣевъ предлагалъ допустить участіе въ немъ купцовъ и мѣщанъ, но большинство не согласилось на это, «такъ какъ купцы — невѣжды». Вездѣ и во всемъ Рылѣевъ являлся настоящимъ демократомъ, вполнѣ свободнымъ отъ барскихъ замашекъ многихъ своихъ товарищей. Это сказалось и во время бунта 14-го декабря, «когда прибывъ на площадь я, разсказываетъ кн. Оболенскій, нашелъ Рылѣева уже тамъ. Онъ надѣлъ солдатскую сумку и перевязь и сталъ въ ряды солдатскіе. Но вскорѣ ему пришлось отправиться въ лейбъ-гренадерскій полкъ для ускоренія его прихода».

Самъ Рылѣевъ такъ охарактеризовалъ свое значеніе въ декабрскомъ движеніи.

— Я признаю, — говорилъ онъ въ своихъ послѣднихъ отвѣтахъ на допросы, — себя главнымъ виновникомъ происшествій 14 декабря: я могъ все остановить и былъ, напротивъ, пагубнымъ примѣромъ для другихъ. Если кто заслужилъ казнь, вѣроятно, нужную для блага Россіи, то, конечно, я.

И это вліяніе на событія 14-го декабря и на членовъ Сѣвернаго Общества вообще Рылѣевъ пріобрѣлъ исключительно въ силу своихъ выдающихся душевныхъ качествъ и благороднаго ха-

рактера. Его прямота, энергія и энтузіазмъ, горячая любовь къ народу и желаніе разбудить Россію отъ состоянія рабскаго равновѣсія,—все это выдвинуло его на первый планъ, какъ главнаго руководителя декабристовъ, смертью запечатлѣвшаго свои политическіе идеалы.

Разсказывая о шумномъ и бурномъ совѣщаніи, происходившемъ наканунѣ 14-го декабря въ квартирѣ Рылѣева, М. Бестужевъ говоритъ: «Зато какъ прекраснъ былъ Рылѣевъ въ этотъ вечеръ! Онъ былъ не хорошъ собой, говорялъ не гладко, но когда онъ попадалъ на свою любимую тему,—любовь къ родинѣ,—физіономія его оживлялась, черные какъ смоль глаза загорялись неземныхъ свѣтомъ, рѣчь текла плавно, какъ огненная лава, и тогда, бывало, не устанешь любоваться имъ».

Особенно характерный отзывъ о Рылѣевѣ сдѣланъ А. Н. Никитенко, который, благодаря Рылѣеву, освободился отъ крѣпостной зависимости и получилъ свободу отъ своего владѣльца гр. Шереметева.

— Я не зналъ,—пишетъ Никитенко, другого человѣка, который обладалъ бы такой притягательной силой, какъ Рылѣевъ. Онъ съ перваго взгляда вселялъ очарованіе. Стоило взглянуть въ его удивительные глаза, чтобы всѣмъ сердцемъ отдаться ему. Въ первое-же посѣщеніе я испыталъ на себѣ чарующее дѣйствіе его гуманности и доброты.

Въ своей личной жизни и отношеніяхъ къ

друзьямъ онъ всегда руководился рыцарскими чувствами и безкорыстіемъ въ денежныхъ дѣлахъ. Напоминая женѣ въ письмѣ изъ крѣпости о долгѣ Пушкина въ 1500 руб. (сумма огромная для того времени), Рылѣевъ говоритъ: «имѣй это въ виду, но сама не посылай къ его отцу за долгомъ сына. Пришлютъ—хорошо, нѣтъ что дѣлать. Къ тому-же я давалъ Пушкину, какъ другу, и не помнилъ о томъ и прежде. а теперь помнить грѣшно».

Однажды онъ стрѣлялся на дуэли съ кн. Шаховскимъ, оскорбившимъ его побочную сестру, причемъ принудилъ уклонившагося отъ дуэли сіятельнаго князя принять вызовъ, плюнувъ ему въ лицо публично. Нѣкто фонъ-Дервизъ оскорбилъ мать его друга А. Бестужева и уклонился отъ дуэли. Тогда Рылѣевъ, на отказъ фонъ-Дервиза дать удовлетвореніе Бестужеву, въ первый разъ плюнулъ ему въ лицо, а во второй разъ вырвалъ у него хлыстъ и публично отстегалъ его.

Конечно, Рылѣевъ, какъ поэтъ, стоитъ ниже Пушкина, котораго онъ ставилъ очень высоко и называлъ своимъ «учителемъ въ языкѣ стихотворномъ», но не нужно забывать, что литературно-политическая дѣятельность Рылѣева продолжалась всего лишь 5 лѣтъ, втеченіе которыхъ его талантъ не могъ, конечно, вполнѣ развиться, окрѣпнуть и вылиться въ окончательныя формы. Что вышло-бы изъ него, если бы трагическая смерть не прекратила преждевре-

менно жизнь этого высоко-талантливаго поэта, мы не знаемъ.

Впрочемъ, и самъ Рылѣевъ считалъ себя больше гражданиномъ, чѣмъ поэтомъ. Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній, въ поэмѣ Войнаровскій, въ концѣ посвященія А. Бестужеву, онъ говоритъ:

Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства,
Зато найдешь живыя чувства:
Я не поэтъ, а гражданинъ.

Что касается мнѣнія самого Пушкина о поэтическомъ дарованіи Рылѣева, то о немъ можно судить по слѣдующему мѣсту изъ его письма къ Бестужеву отъ 21 марта 1825 г. «Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаюсь его не на шутку и очень жалѣю, что не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай; да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ мои замѣчанія. Ради Бога, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!»

Рылѣевъ, несомнѣнно, является провозвѣстникомъ той гражданской поэзіи, которая, въ лицѣ Некрасова, нашла своего настоящаго представителя.

«Будь поэтъ и гражданинъ», писалъ онъ Пушкину въ ноябрѣ 1825 г., который говорилъ, что тотъ, кто хочетъ «гражданствовать»—пусть пишетъ прозой, забывая, что «и самъ онъ гра-

жданствовалъ въ стихахъ», какъ говоритъ А. Пы-пинъ. Какъ поэтъ-гражданинъ, воспѣвающій политическую свободу, Рылѣевъ стоитъ гораздо выше Пушкина, который сталъ постепенно обнаруживать «недоброжелательство къ новому движенію, къ новымъ идеямъ, проникшимъ къ намъ изъ Европы», и подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ не только не былъ поэтомъ-гражданиномъ, но и просто гражданиномъ.

«Употребимъ всѣ усилія, говоритъ онъ въ одной своей статьѣ, осуществить въ своихъ писаніяхъ идеалы высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близкихъ человѣку, и всегда недовольно ему извѣстныхъ». Должно сказать, что Рылѣевъ не только осуществлялъ это «въ своихъ писаніяхъ», но и всю свою жизнь стремился къ осуществленію «идеаловъ высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ». Въ этомъ именно отношеніи не можетъ быть никакой параллели между двумя поэтами: тотчасъ послѣ казни Рылѣева, великій поэтъ Пушкинъ написалъ проектъ «о народномъ воспитаніи», въ которомъ онъ совѣтуетъ, между прочимъ, «ввести въ кадетскихъ корпусахъ полицію изъ лучшихъ воспитанниковъ». Въ этомъ-же году появились и смутившіе даже друзей поэта «стансы», гдѣ Николай I приравнивается Петру I, а декабристы—буйнымъ стрѣльцамъ. Въ этомъ году нашъ великій поэтъ совсѣмъ забылъ о своихъ злыхъ эпиграмахъ по тому-же адресу. Времена перемѣнчивы, а поэты и того болѣе.

Для дополненія характеристики Рылѣева и его поэтическаго творчества приводимъ слѣдующее его стихотвореніе. написанное за нѣсколько дней до 14-го декабря.

Гражданинъ.

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой.
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья!
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны.
И не считаютъ въ ней грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги.
И въ буйномъ мятежѣ лица свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріензи.

1825 г., декабрь.

Въ томъ-же 1825 году написана была Рылѣевымъ «Исповѣдь Наливайки», напечатанная въ «Полярной Звѣздѣ» за тотъ-же годъ. Въ этихъ послѣднихъ двухъ произведеніяхъ выражается преобладающее настроеніе поэта за послѣдній годъ его жизни—готовность погибнуть въ борьбѣ за свободу родины.

X.

До какой степени въ вопросѣ о томъ, кому царствовать послѣ кончины Александра I, все висѣло на волоскѣ и зависѣло отъ случайностей, показываетъ слѣдующій разсказъ декабриста фонъ-Визина.

«Мнѣ разсказывалъ покойный М. С. Лунинъ, бывшій очевидцемъ, слѣдующее обстоятельство. Въ Варшавѣ, когда вел- кн. Константинъ получилъ извѣстіе о смерти императора, намѣревался на другой день собрать полки литовскаго корпуса для присяги Николаю Павловичу. Начальники этихъ войскъ, любимцы Константина, желали видѣть его самого императоромъ, чтобы пользоваться его милостями. Наканунѣ присяги всѣ эти господа собрались у больного генерала Альбрехта и приняли единодушное рѣшеніе заставить всѣ полки, вмѣсто Николая, присягнуть Константину и насильно возвести его на тронъ, на что согласился и дѣйств. тайный совѣтникъ Новосильцевъ, завѣдывавшій высшей администраціей Польши. Но одинъ изъ присутствовавшихъ на собраніи генералъ графъ Красинскій тайно предупредилъ объ этомъ великаго

князя и разстроилъ весь замыселъ: самъ цесаревичъ Константинъ на другой день лично приводилъ къ присягѣ Николаю I всѣ полки варшавскаго гарнизона. А безъ этого планъ генераловъ непремѣнно-бы состоялся. Лукинъ самъ присутствовалъ на ихъ совѣщаніи».

Этимъ моментомъ, когда никто не зналъ, кто будетъ царемъ, рѣшились воспользоваться петербургскіе члены тайнаго общества подъ предсѣдательствомъ пылкаго, восторженнаго поэта-патріота Рылѣева и полковника кн. Трубецкого. Поэтическая душа Рылѣева словно предчувствовала то, что его ожидаетъ: въ напечатанной въ 1825 году поэмѣ его «Наливайко» имѣются слѣдующіе стихи.

Извѣстно мнѣ, погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На угнетателей народа.
Судьба меня ужъ обрекла;
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю.

Трубецкой, человѣкъ легкомысленный и безхарактерный былъ избранъ диктаторомъ и не сумѣлъ отклонить отъ себя этого выбора, хотя для такой отвѣтственной и въ высокой степени рискованной обязанности у него не было ни малѣйшихъ данныхъ, кромѣ крупнаго чина

и княжескаго титула. имѣющихъ солдату. Тайное общество было увѣрено, что гвардейскіе полки, имѣя столько причинъ не любить вел. кн. Николая за жестокое обращеніе съ солдатами и офицерами, будутъ дѣйствовать заодно съ заговорщиками. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы гвардія воспротивилась воцаренію Николая, вслѣдствіе чего власть оказалась бы въ рукахъ тайнаго общества, которое, вмѣстѣ съ сенатомъ и синодомъ, назначитъ временное правительство. Въ составъ послѣдняго прочили адмирала Мордвинова и Сперанскаго.

Въ этотъ-то рѣшительный моментъ всеобщей растерянности и нерѣшительности правительства, вдругъ къ Николаю Павловичу является во дворецъ гр. Я. И. Ростовцевъ, о письмѣ котораго говорилось выше. Послѣ свиданія и разговора съ нимъ великаго князя, картина внезапно измѣняется. Всѣ разговоры и переговоры съ Варшавой сразу прекратились и заговорили ружейные выстрѣлы и пушки. Но прежде, чѣмъ перейти къ описанію событій 14-го декабря, мы скажемъ нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ передачу письма самого Ростовцева, напечатанномъ въ извѣстномъ сочиненіи генерала Шильдера «Императоръ Николай I».

9-го декабря утромъ, я прихожу къ Оболенскому.

— Князь, настоящее положеніе Россіи, пугаетъ меня; но я подозрѣваю тебя въ злонамѣ-

ренныхъ видахъ противъ правительства. Дай Богъ, чтобы я ошибся. Откройся мнѣ и уничтожь мои подозрѣнія. Мой другъ, неужели ты пожертвуешь спокойствіемъ отечества своему честолюбію?

— Яковъ, — отвѣчалъ ему Оболенскій, — неужели ты сомнѣваешься въ моей дружбѣ? Всѣ мои поступки были тебѣ до сихъ поръ извѣстны. Неужели ты думаешь, что я для личныхъ видовъ пожертвую благомъ отечества?

— Князь, можетъ быть ты обманываешь самого себя, можетъ быть ты свое честолюбіе почитаешь за патріотизмъ.

— Любезный Яша, я за одно не люблю тебя: ты иногда слишкомъ снисходителенъ къ великому князю. Я съ тобою откровенъ и не скрываю моей къ нему ненависти.

— Любезный князь, я самъ осуждалъ его иногда за строгое и вспыльчивое обхожденіе съ офицерами, но... почему ты знаешь, можетъ быть, его поведеніе было слѣдствіемъ необходимости?

— Не могу и не хочу этому вѣрить.

— Князь, ты увлекаешься и можешь сдѣлаться преступникомъ, но я употреблю всѣ средства тебя спасти.

— Пожалуйста обо мнѣ не заботься; твои старанія будутъ напрасны. Я не завишу отъ самого себя и составляю малѣйшее звено огромной цѣпи. Не отваживайся слабой рукой оста-

повить сильную машину, — она измелетъ тебя въ куски...

— Пусть я погибну, но, можетъ быть, раздробленные члены мои засорятъ колеса машины и остановятъ ея движеніе... Я рѣшился исполнить свой долгъ...

Оболенскій быстро взглянулъ на Ростовцева и, помолчавъ нѣсколько, сказалъ:

— Яковъ, не губи себя, я предугадываю твое намѣреніе.

— Нашъ разговоръ не докончень, мы возобновимъ его въ другое время,—сказалъ Ростовцевъ, уходя къ генералу Бистрому, который прислалъ за нимъ.

На другой день Ростовцевъ возобновилъ этотъ странный разговоръ съ Оболенскимъ.

— Скажи, на чемъ основаны ваши планы?

— Я не имѣю права открыть тебѣ это.

— Евгеній, ты лицемѣришь! что-то мрачное тяготитъ тебя, но я спасу тебя, выполню долгъ гражданина и сегодня-же предувѣдомлю Николая Павловича о готовящемся возмущеніи. Будетъ ли оно, или нѣтъ, но я сдѣлаю свое дѣло.

— Ты этимъ только погубишь себя,—замѣтилъ Евгеній.

— Пусть такъ, но располагать собою я имѣю право,—возразилъ Ростовцевъ.—Я не пророкъ, но пророчу тебѣ крѣпость.

— Если-бы ты пророчилъ мнѣ смерть, то и это не остановило-бы меня.

Ростовцевъ тщетно искалъ случая на раз-

водѣ остаться съ великимъ княземъ наединѣ. 12-го декабря, зайдя къ Оболенскому, онъ встрѣтилъ у него человѣкъ 20 гвардейскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и Рылѣева. «Они говорили шопотомъ и, видимо, смѣшались при моемъ входѣ».

На другой день Ростовцевъ пошелъ во дворецъ и самъ передалъ Николаю Павловичу свой доносъ.

13-го числа опять Ростовцевъ пришелъ къ Оболенскому, сидѣвшему въ кабинетѣ съ Рылѣевымъ.

— Господа! Я имѣю сильныя подозрѣнія, что вы намѣреваетесь дѣйствовать противъ правительства. Вчера я былъ у великаго князя. Всѣ мѣры противъ возмущенія будутъ приняты, и ваши покушенія будутъ тщетны. Васъ не знаютъ.

Ростовцевъ отдалъ, по его словамъ, копію своего письма Рылѣеву, который прочиталъ его въ слухъ. Оба поблѣднѣли.

— Ты употребилъ во зло мою довѣрчивость и измѣнилъ моей къ тебѣ дружбѣ. Великій князь знаетъ наперечетъ всѣхъ насъ, либераловъ, и мало-по-малу искоренитъ насъ всѣхъ, но ты долженъ погибнуть прежде всѣхъ!—воскликнулъ Оболенскій, сильно взволнованный.

— Нѣтъ, Оболенскій, Ростовцевъ не виноватъ, что различнаго съ тобой образа мыслей,—прервалъ его Рылѣевъ. Не спорю, онъ измѣнилъ твоему довѣрію, но какое право имѣлъ ты самъ

быть съ нимъ откровеннымъ? Онъ рисковалъ жизнью, идя сюда. Ты долженъ обнять его...

Хорошо, я обнимаю его и желалъ-бы задушить его въ своихъ объятіяхъ, — отвѣтилъ Оболенскій.

Н. Бестужевъ, узнавъ объ этихъ разговорахъ и о письмѣ отъ Ростовцева, сказалъ послѣднему:

— Ростовцевъ ставитъ свѣчку и Богу и сатанѣ.

— Жребій брошенъ!—воскликнулъ Рылѣевъ. Судьба наша рѣшена. И такъ, съ Богомъ! Къ нашимъ сомнѣніямъ прибавились новыя препятствія, но мы начнемъ. Я увѣренъ, что всѣ мы погибнемъ, но примѣръ останется. Принесемъ собою жертву для будущей свободы отечества!

Когда 14-го числа Ростовцевъ, посланный въ Финляндскій полкъ, имѣлъ неосторожность проходить между Сенатомъ и колонною московскаго полка, кто-то закричалъ: «Измѣнникъ!» На него бросились и избили прикладами до полусмерти. Ростовцева въ саняхъ доставили на квартиру, куда вскорѣ явился къ нему лейбъ-медикъ.

XI.

Наступилъ роковой день 14-го декабря 1825 г. Ночью великій князь Николай Павловичъ вызвалъ во дворецъ командировъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ (въ числѣ ихъ былъ ген. Шиловъ, членъ тайнаго общества) и разными объ-

ціаніями убѣдилъ ихъ перейти на свою сторону.—Послѣ этого вы отвѣчаете мнѣ своими головами за спокойствіе столицы!—грозно крикнулъ на генераловъ Николай Павловичъ, почувствовавшій увѣренность въ твердости занятой имъ позиціи. Убѣжденные такимъ образомъ генералы спѣшатъ въ свои части и ночью же успѣваютъ привести ихъ къ присягѣ на вѣрность императору Николаю I. Этимъ удачнымъ и быстро выполненнымъ маневромъ послѣдній спасъ положеніе, такъ какъ присяга связала совѣсть солдатъ.

Заговорщики могли разсчитывать послѣ этого только на части лейбъ-гвардіи Московскаго и Гренадерскаго полковъ да на батальонъ гвардейскаго морского экипажа, которые твердо рѣшились стоять за вел. кн. Константина, полагая, что жизнь его въ опасности. Утромъ, 14-го декабря, на разсвѣтѣ, этотъ малочисленный отрядъ собирается на Сенатской площади въ увѣренности, что его поддержитъ вся гвардія. Этого, однако, не случилось, такъ какъ, послѣ доноса Ростовцева, полки стали приводить къ присягѣ не одновременно, а по очереди, чтобы такимъ образомъ разбить планъ заговорщиковъ, имѣвшихъ въ виду воспользоваться моментомъ присяги. До полудня со всѣхъ концовъ Петербурга, въ Зимній дворецъ приходили донесенія о спокойномъ ходѣ присяги въ слѣдующихъ полкахъ: Конногвардейскомъ, Кавалергардскомъ, Преображенскомъ, Семеновскомъ, Павловскомъ.

Гренадерскомъ, Егерскомъ, Финляндскомъ и въ Саперномъ батальонѣ. Изъ другихъ полковъ, расположенныхъ далеко отъ дворца, поджидали съ часу на часъ донесеній. Наружно столица казалась спокойной, и ужасъ, царившій при дворѣ всѣ послѣдніе дни, сталъ уже проходить, какъ вдругъ, около полудня, Николаю доложили, что 4 офицера конной артиллеріи оказали во время присяги сопротивленіе, и ихъ пришлось арестовать. Къ часу дня Николаю доложили, что часть Московскаго полка, провозгласивъ великаго князя Константина императоромъ, идетъ съ развернутыми знаменами къ Сенатской площади, затѣмъ подошли нѣсколько ротъ гренадеръ и полубатальонъ финляндскихъ егерей. Общая численность возмутившихся войскъ достигала 1500—2000 человѣкъ.

Насколько событія, вызвавшія 14-го декабря, застали врасплохъ Сѣверное Общество и насколько планъ возмущенія являлся не результатомъ долгаго и зрѣлаго размышленія, а необходимостью дѣйствовать наспѣхъ, единственно подъ вліяніемъ случайно сложившихся обстоятельствъ, видно изъ полной неувѣренности и нерѣшительности дѣйствій главарей на Сенатской площади. Многіе изъ членовъ тайнаго общества провели ночь безъ сна въ страшно приподнятомъ настроеніи, помня, что для нихъ рѣшается вопросъ «быть или не быть». Съ 6-ти часовъ утра всѣ декабристы были на ногахъ. Около семи у Рылѣева было краткое совѣща-

ніе, на которомъ, по словамъ Оболенскаго, окончательно условились какъ кому дѣйствовать. Рѣпинъ сообщилъ, что офицеровъ приводятъ къ присягѣ отдѣльно отъ солдатъ, съ которыми ихъ разъединили. Каховскій проявлялъ усиленную дѣятельность для обезпеченія успѣха дѣлу; побывавъ въ гвардейскомъ экипажѣ и въ Гренадерскомъ полку, всюду уговаривая не погубить дѣла нерѣшительностью. Трубецкой, избранный диктаторомъ, вмѣсто энергіи, приличествующей главнокомандующему, проявилъ крайнюю трусость и окончательно погубилъ все дѣло. Для него было ясно, что какъ только войска соберутся на Сенатской площади, такъ немедленно же за нимъ придутъ заговорщики, и онъ вынужденъ будетъ волей-неволей стать во главѣ войскъ. И сіятельный диктаторъ вышелъ изъ дома, сѣлъ на извозчика и... поѣхалъ въ главный штабъ присягать, разсчитывая на то, что эта поспѣшность «во что нибудь да вмѣнится», когда возстаніе будетъ подавлено.

А. А. Бестужевъ (впослѣдствіи писатель Марлинскій) передъ началомъ присяги въ Московскомъ полку произнесъ въ своей ротѣ сильную рѣчь, которую солдаты «жадно слушали и покрыли криками: «Ура, Константинъ!» Затѣмъ онъ пошелъ въ другія роты своего полка и повелъ ту-же агитацію и съ тѣми-же результатами. Въ это время его братъ М. Бестужевъ раздавалъ боевые патроны. Почти весь полкъ былъ поднятъ Бестужевыми и Щепинымъ-Ростов-

ским. Генералы Шепинъ и Фредериксъ и полковникъ Хвощинскій пробовали отговаривать солдатъ, но разгоряченный Щепинъ-Ростовскій первыхъ двухъ зарубилъ саблей, а Хвощинскій счастливо увернулся отъ удара, отдѣлавшись однимъ испугомъ.

Бестужевы и Щепинъ повели вѣрную имъ часть Московскаго полка на площадь и, проходя по Гороховой улицѣ, встрѣтили Якубовича, который тотчасъ-же пошелъ впереди всѣхъ съ обнаженной саблей, восторженно крича: «Ура, Константинъ!»

— По праву храбраго кавказца, прими команду надъ войскомъ!—сказалъ ему М. Бестужевъ.

— Что за церемоніи!—отвѣтилъ ему Якубовичъ, однако команду принялъ.

Сенатская площадь, куда московцы пришли первые, оказалась пустою.

— Что? Имѣю-ли я теперь право повторить тебѣ, что мы затѣяли дѣло неисполнимое? Видишь, не одинъ я такъ думалъ,—говорилъ Якубовичъ М. Бестужеву на площади.

— Если-бы ты сдержалъ свое слово и привелъ сюда прежде насъ измайловцевъ или артиллеристовъ, то было-бы иное!—возразилъ ему Бестужевъ.

Полкъ выстроился въ каре и сталъ ждать другихъ.

Оболенскій, назначенный начальникомъ штаба возставшихъ войскъ, явился на площадь

одновременно съ московскимъ полкомъ и уже нашелъ здѣсь Рылѣева и Каховскаго. Около войскъ собралась огромная толпа народа.

По словамъ Штейнгеля, едва успѣли москвичи выстроится въ карэ, какъ показался скачущій на конѣ изъ дворца генералъ-губернаторъ гр. Милорадовичъ и сталъ уговаривать солдатъ присягнуть Николаю послѣ неудачныхъ попытокъ вел. кн. Михаила и двухъ митрополитовъ, петербургскаго и кіевскаго. Кн. Оболенскій ударилъ штыкомъ лошадь Милорадовича послѣ того, какъ тотъ отказался уѣхать отъ карэ. Конь взвился на дыбы, и въ это время Каховскій выстрѣлилъ въ Милорадовича изъ пистолета отлитой наканунѣ пулей. Графъ припалъ къ лукѣ, и въ такомъ положеніи лошадь унесла смертельно раненаго генералъ-губернатора. Тотчасъ послѣ этого выстрѣла конногвардейскій полкъ былъ отправленъ подъ командой ген. Орлова на Сенатскую площадь, гдѣ онъ выстроился противъ карэ. и стоялъ въ бездѣйствіи.

Вскорѣ показался верхомъ Николай I. По словамъ Каульбарса, шт.-ротмистра конной гвардіи, не декабриста, императоръ ѣхалъ окруженный цѣлымъ батальономъ Преображенскаго полка. съ ружьями на перевѣсъ. Къ карэ онъ ни разу не рискнулъ приблизиться, иначе его постигла-бы участь Милорадовича: Каховскій въ своемъ показаніи говоритъ, что онъ убилъ-бы Николая. если-бы онъ подъѣхалъ къ возстав-

шимъ войскамъ на разстояніи пистолетнаго выстрѣла.

Тѣмъ временемъ на площади стягивались вѣрныя Николаю войска. Преображенцы съ артиллеріей впереди заняли проходы къ Исакіевскому мосту, павловцы помѣстились тыломъ къ д. Лобанова-Ростовскаго, семеновцы стали вдоль конно-гвардейскаго манежа. Остальныя войска расположились по главнымъ улицамъ, примыкавшимъ къ Дворцовой, Исакіевской и Петровской площадямъ. Такимъ образомъ стоявшее въ бездѣйствіи карэ возставшихъ войскъ было окружено со всѣхъ сторонъ многочисленными отрядами пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи. Повидимому, положеніе карэ было безвыходное, но это только такъ казалось. Войска подходили не одновременно и въ суматохѣ. И трудно было поручиться за ихъ преданность Николаю, хотя почти всѣ они ему присягнули. Солдаты преображенскаго и конно-гвардейскаго полковъ передавали черезъ народъ возставшимъ о своемъ желаніи присоединиться къ нимъ, если только карэ проявитъ инициативу. Среди стоявшихъ противъ мятежниковъ войскъ находился по какому-то недоразумѣнію измайловскій полкъ, рѣшительно отказавшійся отъ присяги новому императору и простоявшій до вечера противъ карэ безъ движенія.

Но возставшія войска проявляли величайшую энергію бездѣйствія. Диктаторъ и командующій

войсками Трубецкой, которому слѣдовало быть въ центрѣ происходящихъ событій, позорнѣйшимъ образомъ сбѣжалъ и отсиживался въ курьерской главнаго штаба, «одинъ, въ большомъ унынiи и страхѣ». Ген. Шиповъ, командиръ семеновскаго полка, считавшiйся человѣкомъ, преданнымъ Пестелю, измѣнилъ Обществу въ критическую минуту и дошелъ до того, что усердно уговаривалъ присягать Николаю офицеровъ, отказавшихся отъ присяги. Якубовичъ ушелъ съ площади домой. Среди возставшихъ офицеровъ не нашлось ни одного человѣка съ инiцiативой, чтобы взять на себя распоряженiе силами мятежнаго отряда. Каре стояло неподвижно, оглашая воздухъ криками: «Ура, Константинъ!»

Кромѣ Милорадовича, возставшихъ пробовалъ увѣщевать старый митрополитъ Серафимъ, прибывшiй въ полномъ облаченiи и съ крестомъ въ рукахъ, но на всѣ увѣщанiя изъ каре отвѣчали:

— Убирайся, пока цѣлъ! Гдѣ Константинъ?

— Въ Варшавѣ,—отвѣчалъ Серафимъ.

— Врешь! Онъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станцiи въ кандалахъ... Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ двумъ императорамъ присягнулъ... Ты — измѣнникъ, Калугеръ... Убирайся прочь... Знай свою церковь... Скажи своему государю, чтобы послалъ къ намъ Михаила Николаевича, мы съ нимъ хотимъ говорить...

Когда митрополитъ Серафимъ вернулся въ

площадь во дворецъ, то проходилъ по комнатамъ вдовствующей государыни, гдѣ собравшаяся знать въ страхѣ ждала исхода возстанія.

— Ну, чѣмъ насъ утѣшите? Что тамъ дѣлается? — спрашивали Серафима.

— Обругали и прочь отослали, — былъ отвѣтъ митрополита.

Послѣ митрополита къ возставшимъ подъѣхали вел. кн. Михаилъ съ генераломъ Воиновымъ, но Кюхельбекеръ заставилъ ихъ удалиться, выстрѣливъ въ Воинова и направивъ потомъ пистолетъ на великаго князя. Видя неудачи попытокъ подѣйствовать мирными средствами, Николай I приказалъ разбить каре атакой конной гвардіи и издалъ скомандовалъ громовымъ голосомъ: «За Бога и царя — маршъ-маршъ!» Конная гвардія подъ командой ген. Орлова ринулась на мятежниковъ, но народъ встрѣтилъ ее градомъ камней изъ мостовой и тучей полѣньевъ, подобранныхъ на стройкѣ Исаіевскаго собора. Гвардейцы, вяло и неохотно двинувшіеся въ атаку, немедленно отступили и вернулись назадъ. Орловъ вторично двинулся съ полкомъ въ атаку и былъ встрѣченъ щетиной штыковъ каре; въ третій разъ — результатъ тотъ-же. Орловъ съ позоромъ отступилъ, хотя эта трехкратная неудача не помѣшала ему позднѣе получить графскій титулъ за подавленіе возстанія. Послѣ третьей атаки конная гвардія поскакала къ сенату и, подъ градомъ камней и полѣньевъ, летѣвшихъ на нихъ съ крыши

сената. стали перестраиваться съ цѣлью ударить на карэ съ другой стороны. Московскій полкъ прицѣлился въ нихъ изъ ружей и собирался дать залпъ, который, несомнѣнно, положилъ бы на мѣстѣ всю конную гвардію.

— Отставь! — скомандовалъ выбѣжавшій впередъ М. Бестужевъ.

Солдаты повиновались. и послышались только отдѣльные выстрѣлы, отъ которыхъ свалилось съ лошадей нѣсколько конныхъ гвардейцевъ. Немедленно послѣ этого конные піонеры понеслись во весь карьеръ на карэ, но московцы встрѣтили ихъ бѣглымъ ружейнымъ огнемъ, и они повернули назадъ. Стрѣльбу эту услышали въ сосѣднихъ гвардейскихъ казармахъ.

— Ребята! Нашихъ бьютъ! — закричалъ М. Кюхельбекеръ.

И весь флотскій экипажъ, подъ предводительствомъ Н. Бестужева, двинулся на Сенатскую площадь. Здѣсь онъ выстроился въ другое карэ, направо отъ московскаго полка. За гвардейскимъ морскимъ экипажемъ на площадь пришли: Кюхельбекеръ. Пущинъ, двое Бѣлявыхъ, Арбузовъ, Бодиско, Дивовъ и Н. Бестужевъ.

Около этого времени офицеръ конной артиллеріи Коновницынъ, бѣжавшій изъ-подъ ареста, направлялся къ сенату и по дорогѣ встрѣтилъ Одоевскаго, который, смѣнившись съ караула, шелъ къ гренадерамъ сообщить, что московскій полкъ уже давно стоитъ на площади. Оказалось, что гренадеры уже присягнули Николаю и рас-

пущены обѣдать. Коловницынъ и Одоевскій стали упрекать Суттофа, но оказалось, что тотъ ровно ничего не зналъ о происходящемъ, такъ какъ никто его не извѣстилъ объ этомъ. Очевидно, ни Рылѣевъ, ни Каховскій не были у него. Тѣмъ не менѣе Суттофъ немедленно выстроилъ свою роту и отправился съ нею къ сенату съ заряженными ружьями. Батальонный адъютантъ Пановъ увелъ за собой остальныя 7 ротъ полка и повелъ ихъ черезъ крѣпость (которую свободно могъ-бы захватить); выйдя на Дворцовую набережную, завернулъ во дворъ Зимняго дворца. Здѣсь онъ увидѣлъ свою ошибку, вышелъ изъ двора и, миновавъ артиллерію, направился къ Сенатской площади. За гренадерами все время шелъ по пятамъ ихъ полковой командиръ Стюрлеръ и уговаривалъ ихъ вернуться. Но какъ только гренадеры поравнялись съ московцами, Каховскій смертельно ранилъ Стюрлера.

— Ты-ли это выстрѣлилъ?—спросилъ Каховскаго Суттофъ.

— Теперь не время объ этомъ говорить,— отвѣчалъ Каховскій.

Одинъ изъ гренадеровъ, обрадовавшійся убійству ненавистнаго начальника, вышелъ изъ каре и расцѣловалъ Одоевскаго, думая, что онъ убилъ Стюрлера. Каховскій при этомъ разъяснилъ ошибку и сказалъ, что это дѣло его рукъ.

— Будетъ съ меня! Я уже двоихъ имѣю на

душѣ,—сказалъ Каховскій и бросилъ пистолетъ на землю.

Гренадеры выстроились шагѣво отъ москвичевъ. Въ этотъ моментъ къ возставшимъ подоспѣла совершенно неожиданная помощь. Кадеты морского и 1-го кадетскаго корпусовъ прислали къ нимъ депутацію съ просьбой разрѣшить имъ сражаться въ рядахъ возставшихъ войскъ. Но М. Бестужевъ отклонилъ это предложеніе.

— Благодарите своихъ товарищей за ихъ благородное намѣреніе и поберегите себя для будущихъ подвиговъ,—сказалъ Бестужевъ депутатамъ.

Съ приходомъ вышеупомянутыхъ подкрѣпленій положеніе инсургентовъ, однако, не измѣнилось къ лучшему, такъ какъ у нихъ по прежнему не было предводителя, и они были окружены со всѣхъ сторонъ присягнувшими войсками. Несмотря на это солдаты, по словамъ авторитетнаго историка, съ необычайной энергіей оставались непоколебимы и, дрожа отъ холода, стояли въ рядахъ, какъ на парадѣ.

— Для чего мы стоимъ на одномъ мѣстѣ,— говорилъ одинъ ефрейторъ. Посмотрите, солнце на закатѣ, ноги отерпли отъ стоянія, руки зазябли отъ холода, а мы стоимъ...

Начинало темнѣть. Декабрскій день въ Петербургѣ коротокъ. Въ 2 часа пріѣхалъ изъ Варшавы ген. Толь и изъ Зимняго дворца отправился на Сенатскую площадь къ императору

Николаю.

— Ваше Величество,— посовѣтовалъ Толь императору, одно средство покончить это дѣло— пустить картечью въ эту сволочь.

Государь согласился съ нимъ и артиллерія стала готовиться къ стрѣльбѣ. Кюхельбекеръ и М. Бестужевъ начали уговаривать толпившійся около каре народъ разойтись, чтобы не было лишнихъ жертвъ.

— Умремъ вмѣстѣ съ вами!— отвѣчали на эти уговоры многочисленные голоса изъ толпы.

Генералъ Сухозанетъ приблизился къ каре для передачи ему ультиматума Николая I: сложить оружіе, и тогда стрѣльбы картечью не будетъ. Приведемъ здѣсь небольшую историческую справку о генералѣ Сухозанетѣ. «Молодость его была позорна; онъ былъ злой, наглый и цинично безнравственный. Воспитанникъ московскаго кадетскаго корпуса Житковъ, выведенный изъ терпѣнія наглыми и грязными приставаніями офицера-педераста, обнажилъ, защищаясь отъ его гнуснаго покушенія, тесакъ. Сухозанету приказано было примѣрно наказать несчастнаго юношу, и онъ откровенно объявилъ въ Петербургѣ, что ѣдетъ въ Москву засѣчь на-смерть Житкова. Юношу предъ наказаніемъ исповѣдали и причастили, затѣмъ, въ присутствіи кадетъ, сѣкли до тѣхъ поръ, пока увѣрились въ томъ, что онъ умеръ. Трудно удержаться, чтобы не проклинать имени этого холоднаго изверга, военнаго министра.

Когда генералъ Сухозанетъ подошелъ къ каре бунтовщиковъ и передалъ имъ приказъ сложить оружіе, изъ среды солдатъ раздались крики:

— Отправляйтесь назадъ!

— И пришлите кого нибудь почище васъ,— прибавилъ Пущинъ.

Такимъ образомъ миссія Сухозанета оказалась неудачной, и онъ доложилъ Николаю, что бунтовщики отказываются сложить оружіе. Тогда Николай скомандовалъ открыть по бездѣйствовавшимъ инсургентамъ пальбу изъ артиллерійскихъ орудій. Сухозанетъ приложилъ первый горящій фитиль къ пушкѣ. Первый зарядъ попалъ въ зданіе сената и убилъ нѣсколько человѣкъ сидѣвшихъ на крышѣ. Офицеры конногвардейскаго полка, только что три раза претерпѣвшіе при неудачныхъ атакахъ бросанье камней и полѣньевъ сидѣвшихъ на крышѣ, обрадовались эффекту прицѣльной стрѣльбы по этимъ послѣднимъ и стали кричать, какъ въ театрѣ: «фора! фора!» Мятежные войска и окружавшая ихъ толпа народа не дрогнули предъ картечными выстрѣлами и, въ отвѣтъ на первый залпъ, крикнули: «Ура, Константинъ!» и хотѣли броситься въ штыки на артиллеристовъ. Но, вслѣдъ за первымъ, послышались второй, третій, четвертый и т. д. Залпы направленные въ самую гущу мятежниковъ. Сотни убитыхъ и раненыхъ залили разомъ покрытую слѣгомъ поверхность Сенатской площади. Ряды возставшихъ не выдержали страшной силы безпрерыв-

ныхъ картечныхъ залповъ почти въ упоръ и бросились въ разсыпную въ разныя стороны. Большинство метнулось къ Англійской набережной, смяло фронтъ стоявшихъ вдоль нея конныхъ піоперовъ, перепрыгивали черезъ гранитныя перила набережной и съ огромной высоты бросались на снѣжныя массы Невы; тѣ, кто уцѣлѣли отъ такого прыжка, разбѣгались по рѣкѣ. Здѣсь М. Бестужевъ пробовалъ выстроить остатки уцѣлѣвшихъ войскъ, чтобы идти съ ними на штурмъ Петропавловской крѣпости, но не успѣлъ онъ достроить и третьяго взвода, какъ съ средины Исакіевскаго моста по спасшимся была вновь открыта артиллерійская пальба залпами. Бунтовщики держались стойко. Несмотря на то, что солдаты въ строю Бестужева валились одинъ за другимъ, онъ продолжалъ строить изъ живыхъ новыя колонны. Уже достраивался хвостъ колонны, которая готова была двинуться впередъ, какъ раздались ужасные крики: «Тонемъ!» Оказалось, что ледъ около колонны треснулъ отъ ядерныхъ ударовъ, образовалась огромная полынья, въ которой барахтались и тонули солдаты. Тѣмъ временемъ артиллерія продолжала свою убійственную работу, отъ которой гибли сотни солдатъ. Остатки разстрѣляннаго отряда бросились во дворъ академіи художествъ, гдѣ попытались оказать безплодное сопротивленіе и затѣмъ разбѣжались по Васильевскому острову.

Въ то время, какъ остатки отряда разсыпа-

лись по острову, Бестужевъ остановилъ знаменосца и, показывая на скачущихъ кавалергардовъ, сказалъ:

— Вручи знамя офицеру, который скачетъ впереди; этимъ ты оградишь себя отъ наказанія.

Но въ тотъ моментъ, когда знаменосецъ отдавалъ знамя, офицеръ зарубилъ его палашомъ, за что этотъ офицеръ, повергшій къ ногамъ Николая «съ бою отбитое знамя» получилъ орденъ Владиміра съ бантомъ «за храбрость»: знаменосцы не имѣютъ ружей.

Немедленно послѣ кровавой расправы на Сенатской площади и на Невѣ по всему городу были разосланы сильные дозоры, для ловли спасшихся декабристовъ. Всѣ ближайшія къ Петербургу войска были придвинуты къ столицѣ, всѣ заставы и дороги изъ города заняты сильными отрядами. Выѣздъ изъ Петербурга былъ воспрещенъ. Въ ночь съ 14-го на 15-е декабря городъ походилъ на военный лагерь. Зимній дворецъ былъ окруженъ войсками и артиллеріей, которые были размѣщены также на бивуакахъ по всей прилегающей къ дворцу мѣстности и на Васильевскомъ островѣ всю ночь простояли въ боевой готовности, ожидая непріятеля. Въ эту ночь дозоры захватили около 750 солдатъ изъ числа спасшихся отъ разстрѣла. Офицеры также были арестованы и отправлены во дворецъ или въ крѣпость.

Точное количество жертвъ 14-го декабря не-

извѣстно. Упоминавшійся выше Каульбарсъ утверждаетъ, будто онъ, послѣ разстрѣла бунтовщиковъ на Сенатской площади, произвелъ точный подсчетъ убитыхъ, которыхъ оказалось 56 человѣкъ. По его словамъ, вмѣстѣ съ убитыми на Крюковомъ каналѣ и на Галерной улицѣ (проходящей между сенатомъ и синодомъ) общее число жертвъ 14 декабря было не болѣе 70—80 чел., причемъ онъ увѣряетъ, что стрѣльба по Невѣ не могла причинить вреда убѣгавшимъ. Но въ бумагахъ чиновника III отдѣленія собственной Его Величества канцелярія тайнаго совѣтника М. М. Попова, въ воспоминаніяхъ М. Бестужева, Штейнгеля и др. имѣются данныя объ убитыхъ и на Невѣ, благодаря пальбѣ съ Исакіевскаго моста.

«Поверхность Невы, набережная и прилегающія улицы были усѣяны трупами. При свѣтѣ костровъ и факеловъ всю ночь убирали раненыхъ и убитыхъ и смывали кровь съ площади. Приказъ Николая убрать трупы къ утру, чтобы и слѣда ихъ не осталось, выполнялся самымъ безчеловѣчнымъ образомъ». Исполнители приказа распорядились сдѣлать на Невѣ множество прорубей, въ которые и были спущены не только трупы, но и тяжело раненые, не имѣвшіе силъ спастись бѣгствомъ отъ преслѣдователей. Многіе изъ спасшихся раненыхъ боялись показаться докторамъ и умерли безъ всякой помощи. Полиція и рабочіе, занимавшіеся очисткой мѣстъ обстрѣла, произвели форменный гра-

бежъ: снимали платье и отбирали вещи не только съ мертвыхъ и раненыхъ, которыхъ спускали подъ ледъ, но ловили и грабили спасавшихся. Позднѣе, когда началась рубка льда на Невѣ для засыпки погребовъ, ледоколы «многія льдины вытаскивали съ примерзшими къ нимъ руками, ногами или цѣлыми трупами». Тогда запретили рубить ледъ у берега Васильевскаго острова... Со вскрытіемъ рѣки трупы несчастныхъ жертвъ декабрскаго возстанія унесены были въ море.

Генералъ Шильдеръ, въ своемъ сочиненіи «Императоръ Николай I», категорически говоритъ, что «масса убитыхъ въ этотъ день была ночью прямо спущены въ ларочно прорубленныя въ Невѣ проруби, причемъ такой же участи подверглись и многіе раненые».

Многое, разумѣется, можно сказать о той неловкости, съ которою велось возмущеніе 14-го декабря. Но одна стратегическая ошибка настолько прямо бросается въ глаза, что ее отмѣтили и сами декабристы и считали рѣшающей участь исхода возмущенія. Вотъ что по этому поводу пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Бѣляевъ: «Передъ вечеромъ мы увидѣли, что противъ насъ появились орудія. Кориловичъ сказалъ: «вотъ теперь надо идти и взять орудія», но такъ какъ никого изъ вождей на площади не было, то никто и не рѣшился взять на себя двинуть батальоны на пушки и начать можетъ быть, смертоносную борьбу, что и рѣ-

жило участь этого несчастнаго покушенія».

Вић всякаго сомнѣнія, эта-то нерѣшительность, трусость и предательства «диктатора» Трубецкого и вообще плохая распорядительность главарей возстанія не только рѣшили въ пользу правительства исходъ столкновенія, но и дали ему возможность почти безъ всякихъ потерь одержать полную побѣду. Декабристы, какъ воины, оказались никуда не годными.

Также неудачно кончилось и открытое возстаніе черниговскаго полка въ кіевской губерніи, кончившееся въ январѣ 1826 г. полнымъ пораженіемъ при деревнѣ Устимовкѣ, причемъ былъ сильно раненъ командовавшій черниговскимъ полкомъ С. И. Муравьевъ-Апостолъ.

По распоряженію изъ Таганрога, а затѣмъ и изъ Петербурга, въ Тульчинѣ, Подольской губ. и въ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ, расположенномъ въ Кіевской губ., арестованы были всѣ члены Южнаго тайнаго общества, поименованные въ доносѣ Майбороды. Генералъ-адъютантъ Чернышевъ самъ пріѣхалъ въ Тульчинъ, бывшій главной квартирой 2-й арміи и потребовалъ немедленнаго ареста полковника Пестеля и его единомышленниковъ. Главнокомандующій 2-ой арміей гр. Витгенштейнъ долго не соглашался, но, наконецъ, уступилъ требованію Чернышева и въ ночь наканунѣ 14-го декабря всѣ были арестованы. Члены Общества Соединенныхъ Славянъ, получивъ это роковое для нихъ извѣстіе, поспѣшили освободить изъ-подъ ареста своихъ

сочленовъ, но Пестеля между ними не оказалось: его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими уже отправили съ жандармами въ Петербургъ. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, очутившись на волѣ, рѣшилъ поднять черниговскій полкъ, въ чемъ ему помогалъ въ этомъ отношеніи поручикъ Бестужевъ-Рюминъ; *оба они пользовались* неограниченнымъ довѣріемъ всѣхъ членовъ Южнаго общества и, вмѣстѣ съ Пестелемъ, были его душою.

Возвышенный характеръ Сергѣя Муравьева-Апостола, свѣтлый, образованный умъ и гуманное отношеніе къ людямъ пріобрѣли ему всеобщее уваженіе и любовь. Послѣ того, какъ шесть ротъ полка, стоявшихъ въ Васильковѣ, освободили его изъ-подъ ареста, причемъ былъ раненъ противившійся освобожденію полковой командиръ Гебель, офицеры и солдаты поклялись слѣдовать за Муравьевымъ куда-бы онъ ни повелъ *ихъ. Весь отрядъ 31-го декабря* двинулся походомъ въ Бѣлую Церковь на соединеніе съ другими полками 3-го корпуса, гдѣ многіе офицеры всѣхъ ранговъ состояли членами Южнаго Общества. Однако, начальникъ 3-го корпуса, ген. Ротъ, извѣщенный о происшедшемъ въ Васильковѣ и о движеніи Муравьева къ Бѣлой Церкви, послалъ противъ него отрядъ гусаръ ахтырскаго полка съ артиллеріей, подъ начальствомъ ген. Гейснера, который вскорѣ и встрѣтился съ 6-ю ротами черниговскаго полка. Муравьевъ-Апостолъ, при появленіи гусаръ, по-

строилъ свой небольшой отрядъ въ колонну и скомандовалъ солдатамъ броситься на пушки безъ выстрѣла. Овладѣвъ пушками, онъ надѣялся не только устоять противъ гусаръ, но и присоединить ихъ къ себѣ, такъ какъ въ конномъ отрядѣ были члены тайнаго Общества. Черниговцы смѣло бросились на пушки вслѣдъ за своимъ начальникомъ, но первый картечный выстрѣлъ съ батарей сразилъ Муравьева: раненый въ голову, онъ потерялъ сознаніе, а очнувшись черезъ часъ, увидѣлъ свой отрядъ разсѣяннымъ и въ плѣну. Вмѣстѣ съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ арестованы были его братья, подполк. Матвѣй и младшій Ипполитъ, который тутъ-же застрѣлился, а вслѣдъ за нимъ и поручикъ Кузьминъ. Всѣ члены Южнаго Общества и Общества Соединенныхъ Славянъ въ 3-мъ корпусѣ были арестованы и съ фельдъегерями и жандармами отправлены въ Петербургъ, а частью преданы военному суду 1-ой арміи. Сдались въ плѣнъ 700 нижнихъ чиновъ.

Такимъ образомъ на югѣ, какъ и на сѣверѣ, возстаніе было подавлено артиллеріей и съ такою ловкостью, которой не ожидали ни Николай, ни его правительство.

XII.

Немедленно вслѣдъ за подавленіемъ возстанія на Сенатской площади началось слѣдствіе по дѣлу декабристовъ. Николай Павловичъ вечеромъ уже принялся лично самъ производить слѣдствіе. Всю ночь на 15-е декабря онъ

провелъ безъ сна, допрашивая первыхъ захваченныхъ заговорщиковъ. Со всѣхъ концовъ Россіи привозили въ Петербургъ членовъ тайнаго Общества, а равно и лицъ просто только знакомыхъ съ ними. Николай сталъ въ самомъ центрѣ слѣдствія и принялъ въ немъ руководящую роль, выказавъ въ ней блестящія способности. За немногими исключеніями всѣ декабристы побывали въ рукахъ вѣнценоснаго слѣдователя. Желая въ корнѣ уничтожить всякіе слѣды тайныхъ Обществъ, Николай ничѣмъ не стѣснялся для полученія уликъ, изобличающихъ виновныхъ. Кажется только одному Лунину удалось уйти изъ его рукъ, не давши откровенныхъ признаній. Декабристъ Тангебловъ говорилъ, что Николай, при производствѣ дознанія, ничѣмъ не пренебрегалъ: «Не разбирая чиновъ, снисходилъ до личнаго бесѣдованія съ арестованными, стараясь уловить вину въ мельчайшемъ выраженіи глазъ, въ самой интонаціи голоса отвѣтчика». Для каждаго изъ арестованныхъ у него была особая тактика, сообразная съ индивидуальностью арестованнаго, его взглядами, семейнымъ положеніемъ, особенностями характера и т. д. Принимая во вниманіе душевное состояніе декабристовъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эта тактика дала блестящіе результаты. Въ общемъ получилась удручающая картина: въ ней обѣ стороны обрисовались въ крайне неприглядномъ видѣ.

Уже въ первую ночь послѣ возстанія арестованные главари Сѣвернаго Общества дали откровеннѣйшія признанія Николаю. Такъ, Рылѣевъ сообщилъ, что онъ «долгомъ совѣсти и честнаго гражданина считаетъ объявить, что въ полкахъ около Кіева существуетъ тайное Общество. Трубецкой можетъ пояснить и вызвать поименно главныхъ участниковъ. Надо взять мѣры, чтобы тамъ не вспыхнуло возстаніе». Николай сразу-же сообразилъ, что откровенный и освѣдомленный въ дѣлахъ Общества человѣкъ, какъ Рылѣевъ, будетъ для него очень полезенъ въ дальнѣйшемъ ходѣ дознанія, и онъ передалъ его семьѣ 2000 руб. на ея содержаніе. Послѣ этого Рылѣевъ, любящій отецъ и мужъ, былъ весь въ рукахъ Николая Павловича. Изъ хитрости онъ писалъ женѣ, чтобы она молилась за царя и весь царствующій домъ. «Что бы со мною ни было, буду жить и умру за нихъ». Т.-е. за царя и царствующій домъ. Послѣ этого Рылѣевъ давалъ самыя откровенныя показанія, за которыя и былъ казненъ.

У Оболенскаго былъ престарѣлый отецъ, котораго онъ очень любилъ, и Николай привлекъ его на свою сторону позволеніемъ написать ему письмо; барона Розена въ ласковыхъ выраженіяхъ обѣщалъ спасти, Глинку просилъ быть спокойнымъ за свою участь, если онъ признается во всемъ. Юному и наивному Гангеблову Николай по дружески и съ сердечнымъ сокрушеніемъ говорилъ о его заблужденіяхъ и обѣщалъ

полное прощеніе за откровенность.

— Штейнгель, и ты тутъ?—спросилъ Николай.

— Я только былъ знакомъ съ Рылѣевымъ,—отвѣтилъ Штейнгель.

— Какъ, ты родня графу Штейнгелю?

— Племянникъ его, и ни мыслями, ни чувствами ни участвовалъ въ революціонныхъ замыслахъ. Могъ ли я участвовать, имѣя кучу дѣтей?

— Дѣти ничего не значатъ,—прервалъ Государь,—твои дѣти будутъ мои дѣти. Такъ ты зналъ о ихъ замыслахъ?

— Зналъ, Государь, отъ Рылѣева.

— Зналъ и не сказалъ,—не стыдно-ли?

— Государь, я не могъ и мысли допустить дать кому нибудь право назвать меня подлецомъ!

— А теперь какъ тебя назовутъ?—спросилъ Государь саркастически, гнѣвнымъ голосомъ. Ну, прошу не прогнѣваться, ты видишь и мое положеніе не завидно.

Штейнгеля увели въ крѣпость. Фраза о дѣтяхъ и «прошу не прогнѣваться» показались ему смертнымъ приговоромъ. «Съ этой минуты я былъ уже не въ нормальномъ состояніи», говоритъ онъ въ своихъ запискахъ.

По словамъ фонъ-Визина, «сначала разспрашивалъ самъ императоръ, къ которому насъ приводили съ руками связанными назадъ веревками, какъ въ полицейскую управу, а не въ

марскіе чертоги. Государь позволялъ себѣ ругаться надъ людьми беззащитными и угрожалъ имъ жестокими наказаніями. Тайная слѣдственная комиссія, составленная изъ угодливыхъ царедворцевъ, дѣйствовала въ томъ-же инквизиціонномъ духѣ».

На Якушкина, державшаго себя во дворцѣ съ достоинствомъ, Николай грубо кричалъ.

— Если не хотите, чтобы съ вами обращались, какъ съ свиньей, то признавайтесь.

Такъ какъ признаній не послѣдовало, то приказано было заковать Якушкина въ кандалы и держать въ казематѣ на хлѣбѣ и водѣ.

Въ бесѣдахъ съ Каховскимъ Николай проливалъ слезы о бѣдствіяхъ Россіи и этими слезами такъ растрогалъ фанатика и энтузіаста, что 17-го декабря онъ писалъ Государю изъ крѣпости: «Я любилъ васъ, какъ человѣка, и хочу любить, какъ монарха». Но добиться отъ Каховскаго вполнѣ откровенныхъ признаній Николаю все-таки не удалось. Оболенскій, Одоевскій и Кюхельбекеръ съ головой выдали его, послѣ чего Каховскаго лишили прекраснаго стола, бросили въ подземную сырую яму и посадили на арестантскую пищу.

Когда кн. С. Трубецкого привели въ Зимній дворецъ, Николай уже почти все зналъ о немъ, но, желая одновременно вызвать въ немъ животный страхъ передъ смертью и затронуть его гордость, онъ закричалъ на Трубецкого, показывая ему на голову.

— Что было въ этой головѣ, когда вы съ вашимъ именемъ, съ вашей фамиліей, вошли въ такое дѣло? Гвардіи полковникъ! Князь Трубецкой! Какъ вамъ не стыдно быть съ такой дрянью? Ваша участь будетъ ужасная!

Трубецкой не выдержалъ, упалъ на колѣни передъ Николаемъ и, покрывая его руки поцѣлуями, со слезами умолялъ о пощадѣ.

— La vie, Sire, la vie! (Не казните меня, Государь, не казните!)

Николай вышвырнулъ изъ кабинета пинкомъ ноги этого жалкаго потомка Рюрика. Довольный, однако, униженіемъ и покорностью этого злополучнаго диктатора, Государь разрѣшилъ ему написать женѣ письмо съ многообѣщающей приписской, продиктованной ему Николаемъ: «Здоровъ и буду здоровъ». И Трубецкой далъ показанія самого позорнаго и низкаго свойства.

Поручику кавалергардскаго полка Анненкову, не принимавшему никакого участія въ возстаніи, а только знавшему о заговорѣ, Николай сказалъ:

— Знаете-ли вы что заслуживаете?

— Знаю, Государь: смерть!—отвѣчалъ Анненковъ.

— Вы думаете, что васъ разстрѣляютъ? Что вы будете интересны? Я васъ въ крѣпости сгною!

Полковникъ Булатовъ самъ явился во дворецъ и сознался во всемъ. Николай и вел. кн. Михаилъ за это сознаніе простили его, хва-

лили, обнимали и цѣловали его. И Булатовъ, конечно, показалъ все, что могъ. Впрочемъ это не спасло его отъ трагической кончины.

Такимъ образомъ, на чувствительныхъ и слабонервныхъ Николай своими искусными вопросами произвелъ сильное впечатлѣніе. Многіе изъ нихъ сразу-же размякли и открыли ему свои сердца, а онъ въ ихъ глазахъ превратился не только въ великодушнаго монарха, но и въ гуманнаго человѣка. Многіе декабристы (Каховскій, Якубовичъ, Штейнгель, А. А. Бестужевъ, Булатовъ и др.) изливали свою душу въ письмахъ изъ крѣпости на имя Николая и Михаила. Въ отвѣтъ на эти крики истерзанной души Николай дѣлалъ такія письменныя резолюціи:

«Дозволить писать, лгать и врать по волѣ его», какъ это было на одномъ изъ откровеннѣйшихъ писемъ полк. Батенкова.

Съ своей стороны члены слѣдственной комиссіи многихъ увѣряли честью, что Государь все проститъ и забудетъ, что ему о тайномъ Обществѣ все извѣстно, чистосердечныя-же признанія нужны въ интересахъ самихъ подсудимыхъ, для облегченія ихъ участи. Приставленный къ заключеннымъ священникъ Мысловскій увѣрялъ всѣхъ подсудимыхъ:

— Юный монархъ нашъ съ прискорбіемъ взираетъ на столь многія жертвы и не ищетъ обвиненія; онъ хочетъ только, чтобы чистосердечнымъ раскаяніемъ вы дали ему случай къ милосердію и облегченію вашей участи.

Относительно будущности, ожидавшей декабристовъ, въ обществѣ распускались слухи, что «міръ позорится», узнавъ о приговорѣ. На кого не дѣйствовали льстивыя обѣщанія и ласковое обращеніе царя, тѣхъ заковывали въ ручные и ножные кандалы, бросали «въ смрадныя и грязныя ямы, наполненныя всякаго рода насѣкомыми», не давали ничего, кромѣ хлѣба и воды... Есть даже указанія, что къ Пестелю примѣнялась пытка. Якушкинъ, въ своихъ «Запискахъ», говоритъ категорически, что Левашовъ угрожалъ ему пытками. Въ результатѣ слѣдствія, одинъ изъ заключенныхъ (полк. Булатовъ) на смерть разбилъ себѣ голову о стѣны каземата, другой глоталъ битое стекло, желая поскорѣе умереть, третій лишился разсудка.

Вся совокупность условій заключенія подсудимыхъ привела къ тому, что показанія и чистосердечныя покаянія со стороны многихъ декабристовъ лились рѣкой. Раньше всѣхъ признались Рылѣевъ, Трубецкой и Оболенскій. Бобрищевъ-Пушкинъ I проситъ принять его признаніе «не какъ доносъ, а какъ простое извѣстіе» и проситъ «со слезами и рыданіями» о пощадѣ. Комаровъ, давая обширныя показанія, проситъ покровительства Государя, такъ какъ боится, что его показанія сдѣлаются извѣстными въ обществѣ и «ожесточатъ родныхъ и знакомыхъ тѣхъ, противъ кого онъ сдѣлалъ показанія». А впрочемъ «онъ готовъ запечатлѣть

кровью своей, неограниченную преданность къ священной особѣ, наслѣднику и всему царскому дому». Трубецкой и Фаленбергъ, движимыя животнымъ страхомъ смерти, давали показанія даже о томъ, о чемъ не имѣли никакого понятія. Это была поголовная выдача всѣхъ дѣйствій членовъ тайнаго Общества. Особенно тяжелое впечатлѣніе производятъ тѣ мѣста показаній растерявшихся и на смерть запуганныхъ декабристовъ, гдѣ они клеймятъ другъ друга обманщиками, низкими, подлыми, безчестными людьми... Особенно досталось Пестелю, «злѣйшему изъ людей», прибѣгавшему будто-бы для привлеченія членовъ въ Общество «къ угрозамъ ядомъ и кинжаломъ». По показаніямъ нѣкоторыхъ, никакого тайнаго Общества даже и не было, «былъ только одинъ Пестель, онъ и дѣйствовалъ». Трубецкой и другіе въ своихъ показаніяхъ утратили всякую мѣру нравственнаго чувства и показывали то, что свойственно лишь людямъ, страдающимъ полнымъ отсутствіемъ элементарной порядочности. Трубецкой, напримѣръ, увѣрялъ, что онъ въ свое время не донесъ на Пестеля только потому, что ему трудно было доказать справедливость доноса, ибо разговоры ихъ происходили съ глазу на глазъ.

Изъ всѣхъ показаній выдѣляются только отвѣты Пестеля, который вначалѣ отказался отъ дачи какихъ-бы то ни было свѣдѣній о тайномъ Обществѣ и не назвалъ ни одного имени. Но когда увидѣлъ, что слѣдователямъ уже все

извѣстно, Пестель далъ цѣнныя свѣдѣнія по исторіи тайнаго Общества. Его показанія изложены въ спокойномъ, почти эпическомъ тонѣ, съ глубокимъ достоинствомъ и сознаніемъ своей правоты. Лично онъ ни въ чемъ не кается, стараясь оправдать всѣхъ другихъ обвиняемыхъ, увѣряя, что мысль о цареубійствѣ никогда не ставилась серьезно въ Обществѣ. Въ комиссіи Пестель «отвѣчалъ съ видимой гордостью и самоувѣренностью».

Три мѣсяца крѣпился Каховскій въ тяжелыхъ условіяхъ крѣпостного режима и нравственныхъ мученій, не говоря ни слова, но, наконецъ, не выдержалъ и 14-го марта заявилъ:

— Ради Бога, дѣлайте со мной что хотите и не спрашивайте меня ни о чемъ. Я во всемъ виноватъ...

Больше онъ не сказалъ ни слова. 3-го мая онъ снова повторяетъ, что «пусть съ нимъ дѣлаютъ что заблагоразсудится, а онъ умереть умѣетъ».

— Я рѣшился молчать; ни возражать, ни отвѣчать не буду, — заявилъ въ комиссіи Каховскій.

Только черезъ пять мѣсяцевъ вынытываній, когда ему показали постыдныя признанія Трубецкого и многихъ другихъ, Каховскій въ своемъ показаніи назвалъ своихъ товарищей-предателей: «низкія души». Изъ всѣхъ декабристовъ одинъ Лунинъ за все время слѣдствія упорно молчалъ и не далъ никакихъ показаній, да со-

единенные славяне были крайне скупы на слова.

Во время допроса Штейнгеля, послѣдній, возмущенный грубостями Кутузова (Кутузовъ былъ въ числѣ участниковъ нападенія на Павла I въ роковую ночь) и другихъ членовъ слѣдственной комиссіи, сдѣлалъ имъ довольно ядовитый намекъ на участіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ убійствѣ Павла I.

— Вы, милостивые государи, которые должны произнесть надо мною судъ по совѣсти, привезите на память этой самой совѣсти событія 1801 года, въ ночь съ 11 по 12 марта. Не вамъ упрекать меня въ томъ, что я не сдѣлался доносчикомъ...

Въ какой обстановкѣ находились подслѣдственные декабристы видно по слѣдующему отрывку изъ «Записокъ» фонъ-Визина. «Обвиняемые содержались въ самомъ строгомъ заточеніи, въ безпрестанномъ ожиданіи и страхѣ быть подвергнутыми пыткѣ, если будутъ упорствовать въ запирательствѣ. По словамъ Трубецкого «сидѣвшихъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ первый мѣсяцъ каждую ночь по нѣсколько разъ будили сильнымъ стукомъ въ дверь. Когда узнали объ этомъ въ городѣ и начались разговоры, стукъ прекратился. Многіе изъ насъ слышали изъ устъ самихъ членовъ слѣдственной комиссіи такія угрозы. Противъ узниковъ употребляли средства, которыя поражали ихъ воображеніе и тревожили духъ, раздражая его то страхомъ мученій, то обманчивыми надеждами, что-

бы только вынудить признаніе. Ночью отпиралась внезапно дверь каземата, на голову заключеннаго накидывали покрывало, его вели по коридорамъ и крѣпостнымъ переходамъ въ ярко освѣщенную залу присутствія. Тутъ, по снятіи покрывала, требовали быстрыхъ отвѣтовъ на задаваемые вопросы въ крайне грубой формѣ и не давая одуматься; царскимъ именемъ обѣщали каждому помилованіе въ случаѣ сознанія, выдумывали небывалыя показанія, будто-бы сдѣланныя товарищами и часто отказывали въ очныхъ ставкахъ, чтобы не быть изобличенными въ явной лжи. Тѣхъ кто не давалъ желаемыхъ отвѣтовъ сажали въ темные и сырые казематы, кормили однимъ хлѣбомъ и заковывали въ ручные и ножные кандалы. Крѣпостному медику приказано сообщить, въ состояніи-ли узникъ вынести еще сильнѣйшія тѣлесныя страданія. Могли-ли показанія, вынужденныя такими насильственными средствами считаться добровольными? Всѣ такія порожденія разстроенной фантазіи представлены какъ истинные факты, и имъ былъ преданъ видъ вѣроятности, хотя это было сплетеніе искаженной истины съ небылицей и явной ложью».

Въ послѣднія недѣли слѣдствія набралось такъ много привлеченныхъ къ дѣлу, что Николай приказалъ ограничится допросами только наиболѣе виновныхъ, а остальныхъ освободить. За 6 мѣсяцевъ слѣдствія было арестовано до 2000 человѣкъ.

Верховный судъ, установивъ для подсудимыхъ 11 разрядовъ, выдѣлилъ особо пять человѣкъ и приговорилъ ихъ (Пестель, Рылѣевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій) къ смертной казни четвертованіемъ, 17—къ смертной казни отсѣченіемъ головы, 17—къ политической смерти, 16—къ вѣчной каторжной работѣ, 5—къ каторжнымъ работамъ на 10 лѣтъ, 15—къ каторжнымъ работамъ на 6 лѣтъ, 15—къ ссылкѣ на поселеніе, 3—къ лишенію чиновъ, дворянства и на житье въ Сибирь, 1—къ лишенію чиновъ, дворянства и сдачѣ въ солдаты до выслуги, 8—къ лишенію чиновъ и отдачѣ въ солдаты безъ выслуги.

Изъ всѣхъ 121 подсудимыхъ только 10 человѣкъ (8%) не принадлежали къ военному сословію.

Въ правительственномъ сообщеніи послѣ казни говорится, что къ офицерамъ-декабристамъ «присоединилось нѣсколько человѣкъ гнуснаго «вида во фракахъ».

«Утверждаю съ клятвою, говоритъ Штейнгель, что до самаго объявленія сентенціи я не зналъ и не воображалъ, что надъ нами есть судъ. Когда Верховный судъ отрядилъ членовъ для опроса содержащихся въ крѣпости, не имѣютъ-ли они какихъ претензій, приглашеніе отъ плацъ-адъютанта сдѣлано было обычною фразой: «Сегодня пожалуйте въ Комитетъ». Верховный судъ, основываясь на одномъ докладѣ слѣдственной комиссіи, не захотѣлъ даже призвать подсуди-

мыхъ для подтвержденія ихъ показаній, что требовалось даже по закону. Этотъ судъ, составленный изъ высшихъ сановниковъ, былъ пустой формальностью, такъ какъ Николай со Сперанскимъ впередъ опредѣлили участь каждаго декабриста. Верховный судъ, повинуясь Высочайшей волѣ, рѣшилъ, что всѣ подсудимые должны быть казнены. О главарях заговора судъ доложилъ царю, что и «самому милосердію они должны быть недоступны». Члены Синода, присутствовавшіе въ числѣ судей, подали голосъ за смертную казнь для всѣхъ 121 подсудимыхъ, но, какъ духовные, уклонились подписать приговоръ. Но что-же прибавило-бы это подписаніе? Такая уклончивость духовенства объясняется примѣромъ, бывшимъ при осужденіи царевича Алексѣя Петровича.

— Какъ тогда, такъ и теперь, кого хотѣли убѣдить этимъ повтореніемъ Пилатовскаго умыванія рукъ?—говоритъ по этому поводу въ своихъ «Запискахъ» Штейнгель. Конечно, не Господа, сказавшаго: «Не хочу смерти грѣшника». Въ составѣ 80 членовъ суда были адмиралъ Мордвиновъ и Сперанскій, которыхъ нѣкоторые члены Сѣвернаго Общества хотѣли, вмѣстѣ съ Ермоловымъ, избрать, въ случаѣ удачнаго возстанія, въ члены временнаго правительства. Увлекавшійся поэтъ Рылѣевъ назвалъ Мордвинова въ своей одѣ «Гражданское мужество» исполиномъ, который «гражданскимъ мужествомъ дивитъ»; онъ, дѣйствительно, настоль-

ко дивилъ всѣхъ современниковъ своимъ «гражданскимъ мужествомъ», что не только ни словомъ не возражалъ противъ поголовнаго осужденія декабристовъ, но въ 1826 г. подалъ еще записку о мѣрахъ противъ распространенія въ Россіи тайныхъ обществъ.

XIII.

Суровый приговоръ суда далъ возможность Николаю проявить свое милосердіе. Указомъ 10-го іюля 1826 г. осужденнымъ по первому разряду смертная казнь была замѣнена каторгой, остальнымъ 85 наказаніе также понижено. Исключеніе было сдѣлано для 5 лицъ, поставленныхъ внѣ разрядовъ, о которыхъ въ указѣ сказано, что участь этихъ преступниковъ Государь предаетъ рѣшенію суда и «тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится». Суду было дано знать, что Государь желаетъ казни преступниковъ, но «безъ пролитія крови»; это положеніе Николая было, разумѣется, исполнено въ точности: полковникъ Пестель, подпоручикъ Рылѣевъ, подполковникъ С. Муравьевъ-Апостолъ, подпоручикъ М. Бестужевъ-Рюминъ и поручикъ Каховскій второй сентенціей суда были 11-го іюля приговорены, вмѣсто четвертованія, къ повѣшенію.

Въ ночь на 13-ое іюля 1826 г. на обширномъ полѣ, позади Петропавловской крѣпости приведенъ былъ въ исполненіе приговоръ, въ присутствіи отрядовъ всѣхъ войскъ гвардіи. Осужденныхъ, кромѣ упомянутыхъ 5 лицъ, поста-

вили на колѣни, предварительно снявъ съ военныхъ и бросивъ на разведенные костры мундиры и ордена. Экзекуція началась съ Якушкина, котораго такъ сильно ударили по головѣ плохо подпиленной шпагой, что онъ упалъ. Послѣ преломленія шпагъ объ головы всѣхъ осужденныхъ, всѣ они были отведены обратно въ крѣпость и началась казнь 5 лицъ внѣразрядныхъ. Въ 5-мъ часу утра привели ихъ съ тяжелыми кандалами на ногахъ и черными досками на груди съ надлежащими надписями.

Когда ихъ привели къ висѣлицѣ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ просилъ позволенія помолиться, сталъ на колѣни и громко произнесъ: «Боже, спаси Россію и царя!»

Для многихъ такая молитва была непонятна, но С. Муравьевъ былъ глубоко убѣжденный христіанинъ и молился за враговъ своихъ. На нихъ надѣли бѣлые саваны и завязали руки; затѣмъ поставили на помостъ и каждому накинули петлю на шею. Въ это время священникъ, сошедши со ступенекъ высокаго помоста, обернулся и съ ужасомъ увидѣлъ висѣвшихъ Бестужева и Пестеля и трехъ остальныхъ, которые оборвались и грохнулись на помостъ. По другимъ даннымъ, повисли Муравьевъ и Бестужевъ, а Пестель, Рылѣевъ и Каховскій упали, причемъ одинъ изъ нихъ переломилъ себѣ ногу. Рылѣевъ при этомъ сказалъ: «Въ Россіи и повѣсить-то порядочно не умѣютъ!» а Каховскій энергично выругался. Генералъ Чернышевъ, распоря-

жавшійся казнями, приказалъ поднять упавшихъ и вторично повѣсить. У Пестеля веревка была настолько длинна, что онъ носками сапогъ доставалъ до помоста, и это должно было продлить его мученія, такъ что онъ, какъ было замѣчено присутствовавшими, еще долго былъ живъ.

Приводимъ весьма интересный по многимъ подробностямъ разсказъ о казни 5 декабристовъ, идущій отъ одного изъ помощниковъ полицейскаго надзирателя и опубликованный 8 лѣтъ тому назадъ въ «Истор. Вѣстникѣ». Онъ вмѣстѣ съ 4-мя другими надзирателями, былъ командированъ въ ночь на 13 іюля въ распоряженіе плацъ-маіора крѣпости Подушкина.

— Приходимъ въ крѣпость, — разсказываетъ этотъ очевидецъ лицу, записавшему его разсказъ; явились къ Подушкину, говоримъ: честь имѣемъ явиться.

— Хорошо, говоритъ, господа. Подождите.

Проводили насъ тамъ въ комнату, зеркала этакія огромныя стоятъ въ золоченыхъ рамахъ. Ну, поставили намъ двѣ восковыя свѣчи. Тогда еще этихъ стеариновыхъ и въ поминѣ не было; нездѣ горѣли сальныя, а въ богатыхъ домахъ восковыя. Ну, слушай! Сидимъ мы и смѣемся себѣ: вотъ, дескать, въ крѣпость попали! А въ крѣпости-то сидѣть не такъ дурно; лучше чѣмъ въ конторѣ-то...

Черезъ нѣсколько времени приходитъ протоіерей П. Н. Мысловскій. Тутъ только мы узна-

ли, въ чемъ дѣло. Былъ десятый часъ, а казнить назначено въ два. Пошелъ священникъ къ нимъ со святыми дарами, а на насъ напалъ такой страхъ, хуже, чѣмъ у Княжнина. Дѣло-то было, видно, не шуточное. Сидимъ мы всѣ и дрожимъ. Точно насъ самихъ къ смерти приговорили. Страшно! Просто хоть плачь. Такъ прошло нѣсколько часовъ. Вернулся Мысковскій. Онъ былъ очень растроганъ и плакалъ. Бестужевъ, Рылѣевъ и Муравьевъ исповѣдовались и много говорили съ нимъ. Къ Пестелю приходилъ пасторъ, а Каховскій исполнилъ долгъ какъ-бы по принужденію. Рылѣевъ отдалъ священнику для жены и дочери медальонъ и крестъ.

Въ полночь это начало съѣзжаться начальство. Много пріѣхало. Пошла такая суета, что ужасъ, приготовленія эти. Висѣлицу и эшафотъ строили гдѣ-то въ тюрьмѣ и ночью должны были привезти. Только, братецъ ты мой, долго не везли. Генералъ-губернаторъ Кутузовъ изъ себя выходитъ; онъ вмѣсто Милорадовича тогда былъ и всѣмъ этимъ распоряжался. Какую-то перекладину потеряли говорили, а только долго копались съ висѣлицею. Какъ ни попукали, а все ужъ дѣло-то подходило ко дню. Въ 4 часа еще все возились съ нею. Насъ привели въ коридоръ казематовъ въ равелинѣ; туда же привели 12 солдатъ павловскаго полка съ заряженными ружьями. При исполненіи казни былъ одинъ только павловскій полкъ. Привели и двухъ палачей. Отворили двери казематовъ и по-

звали преступниковъ.

— Пожалуйте, господа!—крикнулъ кто-то.

Руки и ноги ихъ были связаны такъ круто, что они едва могли двигаться маленькими шагами.

— На нихъ не было кандаловъ?—спросилъ я.

— Никакихъ кандаловъ не было. Только ремни. Они протянули другъ другу руки и поцѣловались. Рылѣевъ головой и глазами показалъ на небо.

— Ну, что-же, они были блѣдны, встревожены?

— Удивительно, братецъ ты мой, нисколько! Совершенно спокойны, вотъ какъ мы съ тобой говоримъ. Точно, будто, шли не на смерть, а выходили вотъ въ другую комнату закурить трубку. Кажется, какъ будто одинъ Каховскій былъ немного поблѣднѣе. Когда ихъ установили, мы пошли въ такомъ порядкѣ: впереди шелъ офицеръ павловскаго полка поручикъ Пильманъ, потомъ мы пятеро съ обнаженными шпагами. Мы были блѣднѣе преступниковъ и дрожали такъ, что можно было подумать, что казнить будутъ насъ. Позади насъ шли преступники, а за ними 12 павловскихъ солдатъ и два палача. Двигались мы едва переступая ноги, потому что преступники со связанными ремнями ногами не могли почти идти. Вышли мы на кронверкъ. Парка тогда не было и въ заводѣ; на мѣстѣ его былъ голый пустырь, гдѣ валялся всякій соръ и нечистоты. Кронверкъ состоялъ изъ зем-

ляныхъ валовъ и отдѣлялся отъ поля и крѣпости водяными рвами. Дорогою преступники говорили между собою, но словъ ихъ нельзя было разобрать. Когда мы перешли мостъ, то увидѣли солдатъ, толпу преступниковъ и два эшафота. Тутъ я одинъ разъ въ жизни видѣлъ висѣлицу. Это просто качели. Только вмѣсто доски къ перекладинѣ на веревкахъ людей подвѣсятъ. Иной, кто не зналъ что тутъ дѣлается, думалъ-бы, что тутъ очень весело. На кронверкѣ все время играла военная музыка павловскаго полка. А тутъ солнце всходитъ. Собрали сюда всѣхъ замѣшанныхъ въ бунтѣ. Сперва съ нихъ снимали платье на эшафотѣ, надѣвали на нихъ арестантское, ломали надъ головами шпаги. Намъ все это было видно. Потомъ уводили въ казематъ, откуда увезли потомъ въ ссылку, тоже по ночамъ, передъ утромъ, когда на улицахъ пусто. Когда выпроводили тѣхъ, прочихъ, дошла очередь и до нашихъ. Они все время сидѣли на травкѣ и тихо разговаривали. Къ нимъ подошелъ опять Мысловскій и далъ приложиться къ кресту. Потомъ надѣли на нихъ такіе мѣшки, которыми они были закрыты съ головы до пояска. На шеи имъ на веревкахъ надѣли аспидныя доски съ именами и виною ихъ. Мы опять построились въ порядокъ для шествія на эшафотъ.

— Ну, когда надѣвали мѣшки, видѣнъ былъ въ нихъ страхъ?

— И ничего-таки. Я смотрѣлъ на нихъ. Вѣдь

вотъ стоялъ, какъ отъ тебя. Первый стоялъ Карелинъ противъ Рылѣева, потомъ Поповъ противъ Муравьева, Богдановъ противъ Бестужева, а Дубининъ противъ Каховскаго. Мы могли хорошо видѣть ихъ лица. Они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно обдумывали какое-нибудь важное дѣло. Взглянули они въ послѣдній разъ на небо, да такъ жалостливо взглянули, что у насъ вся внутренность перевернулась и морозъ подралъ по кожѣ. Каховскій правда, немножко того, сробѣлъ. Вцѣпился этакъ въ батюшку, его едва оторвали. Жутко было... Рылѣевъ, когда ему надѣвали мѣшокъ, сказалъ.

— Господи, къ чему это?

Палачи стянули имъ руки покрѣпче. На палачей они смотрѣли съ негодованіемъ. Когда все было готово, Тихачевъ велѣлъ идти. Ну, мы и пошли, а тутъ это музыка играетъ. Солдаты этакъ осужденныхъ подталкивали сзади, чтобы они знали куда идти. Страшно было на помостѣ стоять. У меня волосы стали дыбомъ, когда мы подошли подъ перекладину. Тутъ насъ свели прочь съ эшафота и поставили возлѣ. Помостъ подъ висѣвшими опустился, такъ ужъ было устроено. Они забились, заметались. Тутъ трое среднихъ сорвались и упали внизъ; веревки лопнули. Какъ они упали, такъ разбились въ кровь. Вѣдь упали-то съ размаха!

Кутузовъ сперва прислалъ адъютанта, а по-

томъ и самъ лѣзетъ, кричитъ, ругается.

— Это что такое!..

— И повѣсить не умѣютъ,—отвѣчалъ кто-то изъ сорвавшихся, кажется Рылѣевъ.

— Вѣшать ихъ, вѣшать опять! Скорѣе!— кричалъ Кутузовъ.

И, Боже мой, какъ онъ кричалъ и рутательски ругался!.. Подняли опять помостъ и вновь накинули петли. Когда помостъ былъ поднятъ, Пестель и Каховскій опять достали до него ногами. Пестель былъ еще живъ и, кажется, началъ немного отдыхать. Тутъ нѣкоторые стонали, должно быть, отъ боли. Ихъ повѣсили второй разъ. А, говорятъ, вѣшать другой разъ не слѣдовало. Это тоже вина Кутузова.

Было хотъ рано, но за рвомъ собрался уже народъ. Народъ это тоже зашумѣлъ что-то, когда стали вѣшать опять. Кутузовъ на нихъ закричалъ, а музыка стала еще громче играть.

— Что-же она играла? Похоронный маршъ?

— Нѣтъ, простые марши играла и разныя штуки. Сняли, сложили въ телѣгу и сдали полковнику Дершау, онъ былъ назначенъ хоронить. На день тѣла поставили въ сарай.

— Гдѣ-же ихъ похоронили?

— Знаешь ты Смоленское кладбище?

— Знаю.

— Ну, вотъ, тамъ есть Нѣмецкое кладбище, а за нимъ армянское. Тутъ есть этакій переулочекъ налѣво. Вотъ, мимо армянскаго кладбища и идти до конца переулка. Какъ выйдешь

ко взморью. тутъ и есть. Тутъ ихъ всѣхъ и похоронили. Ночью ихъ вывезли съ конвоемъ, и мы тутъ шли. Тамъ потомъ 4 мѣсяца караулъ стоялъ».

Надъ моряками приговоръ былъ исполненъ въ то-же утро въ Кронштадтѣ, причемъ сорванные эполеты и мундиры брошены въ море.

— Можно сказать, что первое проявленіе либерализма старались истреблять всѣми 4 стихіями: огнемъ, водой, воздухомъ и землей, говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» одинъ изъ декабристовъ.

Въ продолженіи всей этой продолжительной церемоніи съ 2 часовъ ночи Николаю Павловичу, уѣхавшему въ тотъ день въ Царское Село, посылались черезъ каждые полчаса фельдъегери съ извѣщеніемъ, что все идетъ благополучно. А въ тотъ же самый вечеръ господа офицеры кавалергардскаго полка устроили пиръ на Елагиномъ островѣ съ великолѣпнымъ фейерверкомъ, «можетъ быть, думая трескомъ винныхъ пробокъ и потѣшныхъ огней заглушить горе и плачъ глубокоторченныхъ родныхъ пострадавшихъ декабристовъ», по выраженію ихъ историка.

Сенаду было поручено составить молебенъ подходящаго содержанія подъ названіемъ «синодальнымъ»; въ послѣдней эктеніи этого молебна слѣдующія слова обращены ко Всевѣдующему Богу:

«Еще молимся о еже прияти Господу Спаси-

телю нашему исповѣданіе и благодареніе насъ недостойныхъ рабовъ своихъ, яко отъ нынѣшнія крамолы, злоумышлявшія на испроверженіе вѣры православныя и престола и на разореніе царства Россійскаго, явилъ есть намъ заступленіе и спасеніе свое».

Передъ отправленіемъ въ ссылку осужденнымъ дано было свиданіе съ семьями. И вотъ, одинъ отецъ семейства, благословивъ дѣтей и простившись съ супругой и увидѣвъ, что они заплакали, съ комендантскаго крыльца, воскликнулъ:

— Не скорбите... Я теперь вещь, могутъ меня перекладывать куда хотятъ, могутъ колотить даже, но помните, что апостола Павла трижды били палками, а мы ему молимся...

Никто не остановилъ его, даже самые привычные къ грубости и жестокостямъ были тронуты этими словами.

Когда 15-го іюля на Петровской площади, у Сената, былъ назначенъ парадъ и очистительное молебствіе, которое отслужилъ митрополитъ со всѣхъ духовенствомъ, протоіерей Мысловскій, присутствовавшій при казни два дня назадъ, надѣлъ черную рясу и, отпустивъ съ другимъ священникомъ икону Казанской Божіей Матери, отслужилъ въ Казанскомъ соборѣ панихиду по 5 усопшимъ.

Почтенный протоіерей Казанскаго собора всюду въ обществѣ говорилъ, что «казненные до-

кабристы были благороднѣйшіе люди и умерл
какъ святые».

Со времени возстанія декабристовъ прош
87 лѣтъ, но политическіе идеалы этихъ д
кихъ провозвѣстниковъ 19-го февраля 1861 г.
до сихъ поръ еще не получили осуществленія

XIV.

Кромѣ 121 чел., осужденныхъ Верховнымъ уго
ловнымъ судомъ, 46 лицъ (преимущественно офи
церовъ) были подвергнуты исправительнымъ мѣ
рамъ наказанія безъ суда,—крѣпость, разжа
лованье, пониженіе въ чинахъ. Солдаты были
сосланы на службу на Кавказъ.

Процессъ декабристовъ полонъ всевозможныхъ
несообразностей. Прежде всего, многихъ «спаса
ли по уваженіямъ фамильнымъ»; участвовавшіе
въ Обществѣ обдуманно оказались невинными
и отпущенными втихомолку и безъ огласки,
одни прямо изъ дворца, другіе изъ главнаго
штаба, третьи даже изъ крѣпости. Такъ, дѣтей
Раевскаго, героя 1812 г., были освобождены отъ
суда. Генералъ кн. Лопухинъ, гр. Л. Виттген-
штейнъ, кн. Долгорукій и портупей-юнкеръ кн.
Италійскій гр. Суворовъ-Румникскій принадлежа-
ли сознательно къ Обществу, но этотъ фактъ
былъ скрытъ. Съ другой стороны, многіе были
осуждены за пустяки. Непонятно почему, на-
примѣръ, такой мирный человѣкъ, какъ Ботезя-
ковъ, «въ видѣ особой милости», былъ оставленъ

въ Петропавловской крѣпости, гдѣ и просидѣлъ 20 лѣтъ.

17-го іюля началась отправка на каторгу всѣхъ осужденныхъ. Въ этотъ день С Трубецкой, Е. Оболенскій, Артамонъ Муравьевъ, В. Давыдовъ, Якубовичъ, Волконскій и братья Борисовы (Борисовъ 2-й былъ основатель Общества Соединенныхъ Славянъ, поставившаго себѣ цѣлью республиканскую федерацію всѣхъ славянскихъ народовъ) были закованы въ тяжелые кандалы и подъ усиленнымъ конвоемъ отправлены въ распоряженіе иркутскаго губернатора Цейдлера; послѣднему сообщено было Высочайшее повелѣніе о томъ, «дабы сіи преступники были употреблены какъ слѣдуетъ въ работу и поступлено было съ ними во всѣхъ отношеніяхъ по установленному на каторжныхъ положенію; чтобы онъ назначилъ для неослабнаго и строгаго за ними смотрѣнія надежнаго чиновника, за выборъ коего онъ отвѣтствуетъ». Эта собственноручная Его Величества инструкція извлечена изъ архива III Отдѣленія и напечатана въ «Запискахъ» княгини М М Волконской Кромѣ того, осужденныхъ приказано было везти не черезъ Москву, а по ярославскому тракту.

Николай, посылая декабристовъ на каторгу, хотѣлъ отрѣзать ихъ отъ общенія со всѣмъ міромъ и такимъ образомъ изгладить въ обществѣ самую память о нихъ. Но эта цѣль не была достигнута. Жены нѣкоторыхъ осужденныхъ послѣдовали за своими мужьями, несмо-

тря на категорическія заявленія имъ самимъ Николаемъ, что въ Сибири онѣ будутъ во всемъ сравнены съ каторжанами, что для нихъ не будетъ никакихъ исключеній изъ каторжныхъ порядковъ. Но самоотверженныхъ и любящихъ женщинъ ничѣмъ нельзя устрашить, когда онѣ стремятся къ разъ намѣченной цѣли. Жены декабристовъ, послѣдовавшія вскорѣ за своими мужьями въ Сибирь, во многомъ скрасили жизнь ссыльныхъ каторжанъ. Всѣмъ извѣстна прекрасная поэма, посвященная имъ Н. А. Некрасовымъ, изъ которой приведемъ здѣсь только нѣсколько строкъ о первомъ свиданіи Волконской съ мужемъ.

И только теперь, въ рудникѣ роковомъ,
Услышавъ ужасные звуки,
Увидѣвъ оковы на мужѣ моемъ,
Вполнѣ поняла его муки,
И силу его, и готовность страдать!
Невольно предъ нимъ я склонила
Колѣни,—и прежде, чѣмъ мужа обнять,
Оковы къ губамъ приложила.

Слѣдующее стихотвореніе извѣстнаго поэта-декабриста кн. А. И. Одоевскаго, друга Пушкина, посвященное одной изъ этихъ женщинъ-героинь, прекрасно рисуетъ то впечатлѣніе, которое ихъ пріѣздъ произвелъ на узниковъ.

Въ альбомъ М. Н. Волконской.

(Въ день ея рожденія 25 декабря 1829 г.).

Былъ край, слезамъ и скорбя посвященный
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ томъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.

Вдругъ ангелы съ лазури прилетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя, земныя пелены.
И вѣстники благія Провидѣнья
Явились, какъ дочери земли,
И узникамъ, съ улыбкой утѣшенья,
Любовь и миръ душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нея небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады...
Съ тѣхъ поръ лились въ тѣмницѣ дни, лѣта;
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

Почти всѣ принадлежавшіе къ 1 и 2 разрядамъ оставлены были въ Петропавловской крѣпости, но правительство распустило слухъ, что ихъ уже вывезли. Немало было въ это время примѣровъ проявленія скрытаго участія къ семьямъ пострадавшихъ, хотя подобныя проявленія были въ то время рискованны, да и въ

настоящее время за них не хвалять. Вот один пример съ матерью семейства, о которой говорилось выше. Она пріѣхала нарочно изъ Москвы и поселилась неподалеку отъ крѣпости въ небольшомъ домикѣ. Узнавъ на третій день послѣ описаннаго выше прощанія, что мужа ея увезли неизвѣстно куда, она возвратилась домой и сѣла въ слезахъ у раствореннаго окна. Вдругъ предъ ея глазами пролетаетъ голубая бумажка и падаетъ на полъ. Она вскакиваетъ, поднимаетъ бумажку и читаетъ названіе одной изъ финляндскихъ крѣпостей, куда, въ секретѣ отъ нея, сосланъ былъ въ заключеніе ея мужъ. Она бросается къ окну, но улица уже опустѣла.

Многихъ назначенныхъ въ каторжныя работы развели по разнымъ финляндскимъ крѣпостямъ, въ Ревель и Шлиссельбургъ. «Много стоновъ, со взятья этой крѣпости Петромъ, вознеслось къ вѣчному правосудію, пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» одинъ изъ декабристовъ. Много политическихъ жертвъ исчезло тутъ втайнѣ. Когда новые узники были привезены, выпустили оставшихся отъ Александрова царствованія, въ томъ числѣ Бока и Медокса». Многихъ отправили по назначенію въ Сибирь на поселеніе. Выѣздъ изъ крѣпости совершался, конечно, по ночамъ.

Когда всѣ осужденные были отправлены по назначенію и говоръ въ обществѣ, порожденный этими событіями, нѣсколько утихъ, Николай

Павловичъ поѣхалъ въ Москву на коронацію. Его пріѣздъ въ Москву сопровождался распространенной по столицѣ эпиграммой по поводу бывшихъ казней. Коронаціонныя торжества сопровождались арестами въ средѣ московскаго студенчества и новыми ссылками молодыхъ людей тоже въ финляндскія крѣпости.

По манифесту, изданному по поводу коронаціи, вѣчныя каторжныя работы декабристамъ были ограничены 20 годами, 20-лѣтнія замѣнены 15-лѣтними и 6-лѣтній срокъ сокращенъ до 1 года. Вышеупомянутые 8 декабристовъ 1 и 2 разрядовъ, *отправленные первыми* въ Нерчинскіе рудники, работали тамъ вмѣстѣ со всѣми каторжанами уголовными. Впослѣдствіи Николай рѣшилъ отдѣлить всѣхъ декабристовъ отъ уголовныхъ каторжанъ и выстроить для нихъ особое помѣщеніе. Все это дѣло поручено было генералъ-маіору Лепарскому, бывшему командиру конно-егерскаго полка, лично извѣстному Государю, съ назначеніемъ комендантомъ Нерчинскихъ Заводовъ съ жалованьемъ 20.000 руб.

По окончаніи этихъ построекъ большая часть заключенныхъ въ Петропавловской крѣпости была перевезена за Байкалъ. Содержаніе въ финляндскихъ крѣпостяхъ было самое строгое; фактически всѣ жили въ карцерахъ, такъ какъ никого не выпускали ни на прогулку, ни въ баню. При отправленіи въ Читу послѣ такого годичнаго заключенія, комендантъ, напр., Свартгольмской крѣпости Бракель, читая узникамъ

Высочайшее повелѣніе о порядкѣ препровожденія ихъ въ Сибирь, зарыдалъ, такъ что декабристамъ пришлось его утѣшать.

— Намъ совершенно все равно, и мы готовы переносить всякія оскорбленія, — говорили они Браклею.

Хороша была, должно быть, инструкція, если при одномъ чтеніи ея возможно была подобная сцена. Только въ концѣ 1828 г. съ декабристовъ, по представленію Лепарскаго, сняты были кандалы, а еще черезъ два года ихъ перевели въ Петровскій заводъ.

Въ 1835 г. Штейнгель записалъ интересный разсказъ одного политическаго ссыльнаго, Колесникова, приговореннаго съ товарищами въ 1827 году въ Оренбургѣ къ каторжнымъ работамъ по доносу Ипполита Завалишина, который еще юношею 17—18 лѣтъ подалъ доносъ на своего брата Иринарха Завалишина (декабриста) и на свою сестру. Ипполитъ Завалишинъ изъ юнкеровъ артиллерійскаго училища былъ разжалованъ въ солдаты, отправленъ въ Оренбургъ и здѣсь сыгралъ роль провокатора и доносчика относительно небольшого кружка военной молодежи. Извѣстный нашъ историкъ В. И. Семевскій, въ своей книгѣ «Общественныя движенія въ Россіи въ началѣ XIX вѣка», говоритъ, что провокаторская роль этого субъекта выяснилась на военномъ судѣ, который строже всѣхъ отнесся къ провокатору и приговорилъ его къ вѣчной каторгѣ. Колесниковъ и его два това-

рища по дѣлу были сосланы въ Читу и помѣщены вмѣстѣ съ декабристами. Штейнгель съ его словъ записалъ всѣ ихъ приключенія во время путешествія по Сибири «по канату», снабдилъ это описаніе своимъ введеніемъ и подарилъ ему эту рукопись на память съ трогательною надписью: «Мы съ тобою едва имѣемъ на что купить въ голодный часъ омуля (сибирская рыба); пусть-же хотя эта рукопись напомнитъ тебѣ въ гнусный часъ бѣднаго сѣдого друга, — бѣднаго корманомъ, но богатаго чувствами». Эта интересная рукопись декабриста попала впослѣдствіи къ М. Бестужеву, подарившему ее издателю «Рус. Старины», гдѣ она и была напечатала въ 1882 году.

Прошли десятки лѣтъ со времени приговора надъ декабристами, всѣ уцѣлѣвшіе изъ нихъ превратились уже въ поселенцевъ, но правительство Николая I не могло забыть того, что было и всячески мѣшало имъ заниматься даже литературой, хотя послѣдняя и жила въ то время въ желѣзныхъ тискахъ цензуры. Нельзя было писать декабристамъ даже подъ псевдонимами. Такъ, когда одинъ изъ нихъ (Штейнгель) написалъ одну журнальную статью по исторіи для «Сѣверной Пчелы» Греча, и она была чрезъ генералъ-губернатора Сибири представлена шефу жандармовъ, то гр. Бенкендорфъ оставилъ злополучную статью при дѣлахъ III Отдѣленія съ надписью: «нельзя дозво-

лять государственнымъ преступникамъ посылать свои сочиненія для напечатанія въ журналахъ, ибо сіе поставитъ ихъ въ сношенія, не соотвѣтствующія ихъ положенію». По поводу перевода одного декабриста изъ восточной Сибири въ западную въ 1837 г.. Николай сказалъ, что «въ душѣ онъ давно уже простилъ ихъ». Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству одного современника. «при малѣйшемъ нарушеніи могильной тишины «онъ имѣлъ привычку повторять фразу: «Ce sont mes amis du quatorze» (все это дѣло моихъ друзей декабристовъ).

Такъ кончилась эта попытка измѣнить безотрадную русскую дѣйствительность той отдаленной эпохи, попытка людей во всякомъ случаѣ благородныхъ, пылкихъ и горячо любящихъ свою родину. И какой грязью не забрасывали ихъ Гречи, Корфы и разныя «Донесенія»,—безпристрастное сужденіе не можетъ отвергать, что здѣсь было много лучшихъ общественныхъ силъ. какія только представляло то время, пишетъ Пыпинъ въ своей книгѣ объ «Общественномъ движеніи въ Россіи». Возвращаясь къ тѣмъ временамъ и вспоминая тогдашніе интересы, борьбу мнѣній, начинавшееся столкновеніе двухъ порядковъ жизни, стараго и новаго, мы находили новое подтвержденіе законности тѣхъ современныхъ стремленій къ общественному преобразованію. на которыя и до сихъ поръ съ

такою щедростью бросаютъ свои клеветы ретроградные агитаторы.

Немало и самому Николаю Павловичу пришлось во время личныхъ допросовъ выслушать горькихъ истинъ отъ декабристовъ, какъ, напримѣръ, отъ Н. Бестужева, который на обѣщанное (но не исполненное) ему помилованіе смѣло отвѣчалъ:

— Въ томъ-то и несчастье, Ваше Величество, что вы все можете сдѣлать, что вы выше закона. Желаю, чтобы впредь жребій вашихъ подданныхъ зависѣлъ отъ закона, а не отъ вашей угодности.

Такъ-же смѣло велъ себя на допросѣ и С. Муравьевъ-Апостолъ, тоже по словамъ Шильдера, не принявшій отъ Государя помилованія и казненный.

Цѣлыхъ 30 лѣтъ эти просвѣщеннѣйшіе люди того времени искупали свою вину, и лишь въ царствованіе Александра II, манифестомъ 1856 г., декабристамъ разрѣшено было «возвратиться съ семействами изъ Сибири и жить гдѣ пожелаютъ, за исключеніемъ только Петербурга и Москвы. Въ началѣ 1859 г. снято было съ нихъ и это ограниченіе, хотя уже очень немногіе изъ нихъ могли имъ воспользоваться». Большая часть такъ и сложили свои головы въ разныхъ медвѣжьихъ углахъ Восточной и Западной Сибири. Послѣдній изъ декабристовъ кн. Волконскій только,

если не ошибаемся, нѣсколько лѣтъ назадъ скончался въ Москвѣ въ глубокой старости. Другіе скончались, такъ и не увидавъ родины, какъ напримѣръ, Абрамовъ, надъ могилой котораго за полярнымъ кругомъ, въ столицѣ отдаленнаго Туруханскаго края, «на буграхъ» (по мѣстному выраженію), поставленъ въ вѣчно мерзлую почву огромный бѣлый, некрашеный крестъ въ нѣсколько саженъ высотой; надписи на немъ никакой не видно: если она и была, то, очевидно, стерлась отъ времени и непогоды. Но не стерлась, однако, изъ памяти жителей (61 человѣкъ обоего пола) Туруханска фамилія умершаго здѣсь декабриста Абрамова и другого его товарища, фамилія котораго, къ сожалѣнію стерлась изъ моей памяти; если послѣдняя мнѣ не измѣняетъ, то этотъ другой декабристъ, похороненный на мерзлыхъ буграхъ Туруханска, былъ Пущинъ. Эти два гигантскихъ креста вытесаны, видимо, чьей-то любящей рукой изъ сплавнаго съ верховьевъ Енисея крупнаго строевого лѣса, такъ какъ въ мѣстныхъ лѣсахъ имѣются только мелкорослыя деревья, а въ 150 верстахъ сѣвернѣе уже нельзя найти ничего, кромѣ кустарной березы ростомъ въ $1^1/_2$ аршина.

— Батька мой покойный сказывалъ, что они (Абрамовъ и Пущинъ) недолго здѣсь прожили, —говорилъ пишущему эти строки, одинъ туруханскій житель. Гиблое здѣсь мѣсто, самъ ви-

дишь: десять мѣсяцевъ зима, остальное время все-е-е лѣто...

Мы не станемъ здѣсь вдаваться въ подробности жизни декабристовъ въ сибирской каторгѣ и ссылкѣ: онѣ достаточно извѣстны изъ обширныхъ мемуаровъ и воспоминаній уцѣлѣвшихъ изъ нихъ и изъ печатныхъ разсказовъ новѣйшихъ политическихъ ссыльныхъ о жизни въ этой Странѣ Второзаконія, гдѣ измѣнилась только внѣшняя сторона жизни крупныхъ городскихъ центровъ. Скажемъ только нѣсколько словъ о читинской «академіи», со словъ бар. Розена.

Въ свободное отъ работъ время, декабристы занимались самообразованіемъ.

— Въ читинской нашей домашней академіи, въ долгіе зимніе вечера, нѣсколько товарищей-спеціалистовъ согласились читать лекціи: Никита Муравьевъ — стратегіи и тактики, Ф. Вольфъ—химіи и физики, П. Бобрищевъ-Пушкинъ — прикладной и высшей математики, А. Корниловичъ и П. Мухановъ — русской исторіи, кн. А. Одоевскій—русской словесности, К. Торсонъ—астрономіи; мнѣ (Розенъ) пришлось пояснять личное освобожденіе крестьянъ прибалтійскихъ губерній. Разъ Одоевскому пришлось въ очередной день читать о русской литературѣ; онъ сѣлъ въ углу съ тетрадью въ рукахъ, началъ съ разбора «Пѣсни о Полку Игоревѣ»,

продолжалъ нѣсколько вечеровъ и довелъ лекціи до состоянія русской словесности въ 1825 г. Окончивъ послѣднюю лекцію, Одоевскій бросилъ тетрадь на кровать, и мы увидѣли, что она была бѣлая, безъ помѣтокъ, безъ чисель хронологическихъ: онъ все читалъ на память, импровизируя всѣ свои лекціи.

Объ огромномъ культурномъ значеніи декабристовъ для Сибири есть многочисленныя указанія въ позднѣйшей литературѣ, а во многихъ мѣстахъ Западной Сибири до сихъ поръ сохранилась о нихъ хорошая память, и многія хорошія начинанія стараго времени мѣстные жители приписываютъ именно декабристамъ, самое названіе которыхъ стало зачастую нарицательнымъ для всѣхъ политическихъ и государственныхъ ссыльныхъ. Въ Ялуторовскѣ, Тобольской губ., есть, напр., березовая аллея въ загородной рощѣ, за тюрьмой, любимое мѣсто гулянья мѣстныхъ жителей, такъ и называется «аллеей декабристовъ», хотя она болѣе поздняго происхожденія. Въ центрѣ города сохранился оригинальный развалившійся домъ, въ которомъ, по преданію, короталъ многіе годы кн. Оболенскій, а въ дико разросшемся саду до сихъ поръ рѣзко выдѣляется высокій и узкій домъ, извѣстный ялуторовскимъ обывателямъ подъ названіемъ «домика Якушкина», въ которомъ живутъ и теперь политическіе ссыльные, нанимая его верхній этажъ у теперешняго хозяина. С. Мак-

симовъ въ своей книгѣ «Сибирь и каторга» разсказываетъ, что Якушкинъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ представителей великой семьи декабристовъ, живя въ разныхъ городахъ Сибири, построилъ немало деревянныхъ домиковъ, которые онъ и раздавалъ своимъ друзьямъ-бѣднякамъ.

Немногіе изъ декабристовъ дожили до осуществленія одного изъ своихъ идеальнѣйшихъ стремленій, освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ 19-го февраля, но всѣ они до самой смерти были какъ бѣльмо на глазу у полиціи. Почтенный ученый историкъ В. Семевскій сообщаетъ въ своей книгѣ интересный разсказъ о похоронахъ въ Петербургѣ одного изъ послѣднихъ могикановъ декабрскаго возстанія бар. Штейнгеля, бывшаго блестящаго участника наполеоновскихъ войнъ.

«Въ дѣтствѣ я не разъ видѣлъ Штейнгеля у моего брата Михаила, и хорошо помню этого бодраго, коренастаго сѣдого старика съ очень почтенною наружностью, всегда носившаго съ собой желѣзную палку, перелитую изъ его кандаловъ. Онъ умеръ 20-го сентября 1862 г. отъ удара, на 80-мъ году жизни. Похороны происходили 24-го числа. Сынъ покойнаго генералъ-маіоръ Штейнгель, редакторъ «Россійской Военной Хроники», съ намѣреніемъ не публиковалъ о кончинѣ своего отца, опасаясь какой-

либо демонстраціи. Ко времени выноса тѣла собрались нѣкоторые писатели: М. Семевскій, Хмыровъ, Шишкинъ, полк. П. Л. Лавровъ, Зотовъ, Кушнеревъ, Вессель, но двое послѣднихъ послѣ выноса тѣла уѣхали. 30-го сентября Государю было доложено, что Лавровъ, Семевскій, Шишкинъ, Хмыровъ и двое неизвѣстныхъ лица настоятельно требовали, чтобы имъ было дозволено нести гробъ на рукахъ. Сынъ покойнаго, хотя и не желалъ допустить такого почета для праха своего отца, но «снисходя къ просьбѣ родныхъ, согласился, чтобы несли гробъ отъ церкви до Литейной ул. Противъ арсенальной гауптвахты онъ приказалъ поставить гробъ на дроги, но несшіе его воспротивились, и онъ дозволилъ донести его до конца Троицкаго моста. Поравнявшись съ тѣмъ мостомъ, гдѣ въ крѣпости были казнены декабристы, П. Л. Лавровъ и другіе требовали, чтобы отслужили литію, но г.-м. Штейнгель не допустилъ этого, попросилъ ихъ удалиться и приказалъ поставить гробъ на дроги. «Манифестанты» вынуждены были удалиться, и на Охтенскомъ кладбищѣ кромѣ родственниковъ уже никого не было. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ сообщены были свѣдѣнія, собранныя о названныхъ лицахъ, причемъ было замѣчено, что полк. П. Лавровъ и двое другихъ «уже извѣстны». На докладѣ было написано: «въ вящему соображенію».

Въ заключеніи этого очерка, приводимъ по·
вященное декабристамъ стихотвореніе нашего
еликаго поэта А. С. Пушкина, пересланное
екабристамъ съ оказіей въ читинскій острогъ.

Въ Сибирь.

(Декабристамъ).

Въ глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье!
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора.
Любовь и дружество до васъ
Дойдетъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.
Оковы тяжкіе падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода

Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вам- подадутъ.

1827 г.

КОНЕЦЪ.